

**Управление систематизации законодательства и анализа судебной
практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение практики и правовых позиций международных
договорных и внедоговорных органов, действующих в
сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам,
связанным с запретом использовать в судебном
разбирательстве доказательства, полученные вследствие
пытток, другого жестокого или унижающего человеческое
достоинство обращения¹**

2020 г.

¹ Перечень упомянутых в *Обобщении* правовых позиций, а также решений (соображений, постановлений) международных договорных органов, включая Европейский Суд по правам человека (далее также – Европейский Суд, Суд), не носит исчерпывающего характера. Отобраны, по мнению разработчиков *Обобщения*, наиболее значимые позиции и решения указанных органов.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу: URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

Содержание

Правовые позиции международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения.....	5
<i>правовые позиции Европейского Суда по правам человека</i>	<i>5</i>
<i>правовые позиции Комитета ООН по правам человека</i>	<i>8</i>
<i>правовые позиции Комитета ООН против пыток</i>	<i>10</i>
<i>правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека.....</i>	<i>11</i>
 Практика международных договорных органов (по делам в отношении Российской Федерации) по оценке при рассмотрении индивидуальных жалоб (сообщений): а) убедительности утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов; б) наличия эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов и в) наличия объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем	24
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	<i>24</i>
<i>практика Комитета ООН по правам человека</i>	<i>46</i>
<i>практика Комитета ООН против пыток</i>	<i>51</i>

В силу статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года² «[н]икто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Согласно статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года³ «[н]икто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам».

В соответствии со статьей 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года⁴ «[к]ажное государство-участник обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что это заявление было сделано».

В пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» содержится разъяснение, согласно которому «[п]ри рассмотрении ходатайства стороны о признании доказательств недопустимыми в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 75 УПК РФ суд должен выяснять, в чем конкретно выразилось нарушение требований уголовно-процессуального закона. Доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами».

Судам следует иметь в виду, что установленные в части 4 статьи 235 УПК РФ для предварительного слушания правила, согласно которым при рассмотрении ходатайства стороны защиты о признании доказательства недопустимым на том основании, что оно было получено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, бремя опровержения доводов стороны защиты возлагается на государственного обвинителя, а в остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство, распространяются и на судебное разбирательство».

В пунктах 12–14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» указано: «12. Если подсудимый объясняет изменение или отказ от полученных в присутствии защитника показаний тем, что они были даны под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования, то судом должны быть приняты достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления подсудимого».

При этом суду следует иметь в виду следующее: с учетом положений части 4 статьи 235 УПК РФ бремя опровержения доводов стороны защиты о том, что показания подсудимого были получены с нарушением требований закона, лежит на прокуратуре

² Далее также – Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Конвенция.

³ Далее также – Международный пакт о гражданских и политических правах; Пакт.

⁴ Далее также – Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Конвенция против пыток.

(государственном обвинителе), по ходатайству которого судом могут быть проведены необходимые судебные действия.

13. При наличии оснований для проверки заявления подсудимого в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, суд направляет его руководителю соответствующего органа предварительного расследования. Проведение такой проверки не освобождает суд от обязанности дать оценку материалам, представленным по ее результатам, и отразить свои выводы в приговоре.

14. Если в ходе судебного разбирательства доводы подсудимого о даче им показаний под воздействием недозволенных методов ведения расследования не опровергнуты, то такие показания не могут быть использованы в доказывании.

Отказ подсудимого от дачи показаний не может служить подтверждением доказанности его виновности и учитываться в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность подсудимого».

Правовые позиции международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения

правовые позиции Европейского Суда по правам человека

[П]ринятие показаний, полученных в результате применения пыток..., в качестве доказательств для установления фактов в уголовном разбирательстве, делает разбирательство в целом несправедливым. Данный вывод применялся независимо от доказательной силы показаний и независимо от того, было ли их использование решающим при вынесении решения о виновности обвиняемого (пункт 73 постановления от 16 октября 2014 года по делу «Мостипан против Российской Федерации»).

Использование доказательства, полученного в нарушение одного из ключевых прав, гарантированных Конвенцией, вызывает серьезные вопросы с точки зрения справедливости разбирательства (пункт 75 постановления от 30 июля 2009 года по делу «Гладышев против Российской Федерации»).

[И]спользование в поддержку уголовного дела показаний, полученных вследствие нарушения статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] – нарушение квалифицируется как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение – автоматически лишает судебное разбирательство справедливости в целом и обуславливает нарушение статьи 6 [Конвенции] (пункт 154 постановления от 30 апреля 2015 года по делу «Шамардаков против Российской Федерации»).

Европейский Суд отмечает, что ранее он признавал нарушение статьи 6 Конвенции по аналогичным жалобам⁵, принимая во внимание следующие пункты:

(а) доказанный факт жестокого обращения (преднамеренный или нет, установленный национальными органами власти или в процессе рассмотрения жалобы Европейским Судом), который привел к даче признательных показаний;

(b) недостатки представительства интересов заявителя в момент, когда заявитель дает признательные показания (отсутствие адвоката, неквалифицированный адвокат, отказ от права быть представленным);

(с) применение признательных показаний с целью подтвердить обвинение в отношении заявителя (независимо от того, были подтверждены признательные

⁵ В аспекте оценки доказательств по уголовному делу, полученных вследствие пыток, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения.

показания другими доказательствами или нет, и не учитывая воздействие этих показаний на результат уголовного разбирательства);

(d) недостатки гарантий в рамках процедуры оспаривания и использования признательных показаний (пункт 68 постановления от 17 января 2012 года по делу «*Алчагин против Российской Федерации*»).

Использование доказательств, полученных в результате нарушения любого из основополагающих и абсолютных прав, гарантированных Конвенцией [о защите прав человека и основных свобод], всегда приводит к возникновению сомнений относительно справедливости всего разбирательства даже в том случае, если данные доказательства не играли решающей роли при осуждении человека (пункт 83 постановления от 9 февраля 2016 года по делу «*Шлычков против Российской Федерации*»).

Суд напоминает, что на него не возлагается обязанность разбираться в фактических или правовых ошибках, предположительно совершенных внутригосударственным судом, *кроме случаев, когда они могут ущемлять права и свободы, защищаемые Конвенцией*. Если статья 6 Конвенции гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, она, однако, не регламентирует приемлемость доказательств в качестве таковых, поскольку этот вопрос подпадает, прежде всего, под действие внутригосударственного права. Следовательно, Европейский Суд не обязан, в принципе, выносить решение о приемлемости некоторых видов доказательств, таких как доказательства, полученные незаконным путем с точки зрения внутригосударственного права, но он *должен рассмотреть вопрос о том, являлось ли производство, в том числе способ сбора доказательств, справедливым в целом*, что подразумевает рассмотрение вопроса о незаконности и, в случае если обнаруживается нарушение другого права, охраняемого Конвенцией, характера этого нарушения (пункт 60 постановления от 8 октября 2019 года по делу «*Уразбаев против Российской Федерации*»).

[И]спользование в уголовном процессе показаний, полученных в связи с нарушением статьи 3 Конвенции – если эти преступления квалифицируются как пытка, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение – автоматически лишает производство справедливости в целом и нарушает статью 6 [Конвенции]... Этот принцип применяется как к самоинкриминирующим показаниям, данным обвиняемыми, так и к показаниям свидетелей, полученным в нарушение статьи 3 и использованным в качестве доказательств (пункт 61 постановления от 8 октября 2019 года по делу «*Уразбаев против Российской Федерации*»).

Для определения, было ли производство справедливым в целом, необходимо исследовать вопрос о том, были ли соблюдены права на защиту. Следует задаться вопросом, в частности, о том, *имел ли заявитель возможность*

оспорить подлинность доказательств и возразить против их использования. Следует также учитывать качество доказательств и, в частности, проверить, возникает ли в связи с обстоятельствами, при которых они были получены, сомнение в их достоверности и точности... Принцип презумпции невиновности и право обвиняемого на оспаривание любого доказательства против него требуют, чтобы судебная инстанция, выносящая решение, осуществила полные, независимые и исчерпывающие рассмотрение и оценку доказательств обвинения независимо от оценки, которая была дана им в других производствах (пункт 62 постановления от 8 октября 2019 года по делу «Уразбаев против Российской Федерации»).

Суд напомнил, что у него уже была возможность критиковать ситуации, в которых лицо задерживалось под предлогом совершения им административного правонарушения, чтобы получить возможность передать его в распоряжение сотрудников правоохранительных органов и допросить неофициально в отсутствие каких-либо гарантий и, в частности, в отсутствие адвоката, в связи с уголовным правонарушением. Эти обстоятельства сами по себе ставят под серьезное сомнение добровольный характер полученных показаний в таких условиях и должны были вызвать беспокойство у судебных инстанций относительно достоверности и подлинности данных таким образом показаний (пункт 68 постановления от 8 октября 2019 года по делу «Уразбаев против Российской Федерации»).

Суд считает,... что даже если предположить, что следствие было проведено безупречно, вопрос приемлемости доказательств не должен рассматриваться в связи с вопросом индивидуальной уголовной ответственности. Так, следствие по уголовному делу по поводу заявлений о ненадлежащем обращении может закончиться неудачей по различным причинам, например, в связи с невозможностью доказать связь между заявляемыми фактами и предполагаемым преступником, или установить намерение или иной составляющий элемент правонарушения, или в связи с истечением срока давности... Между тем, если в рамках уголовного процесса обвиняемый требует исключения доказательств, потому что, по его мнению, они были получены под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования, судебная инстанция, выносящая решение, должна принять решение не по вопросу индивидуальной ответственности, как в рамках следствия по уголовному делу в связи с жестокостью сотрудников правоохранительных органов, а по вопросу приемлемости доказательств. Из этого следует – если суду представлены достоверные и неопровергнутые заявления, доказывающие, что показания получены под принуждением в связи с применением недозволенных методов ведения расследования, они должны быть исключены, в противном случае

все производство будет несправедливым (пункт 71 постановления от 8 октября 2019 года по делу «Уразбаев против Российской Федерации»⁶).

правовые позиции Комитета ООН по правам человека⁷

Жестокое обращение с лицами, которым предъявлены уголовные обвинения, и принуждение их к даче или подписанию под угрозой применения насилия показаний с признанием вины, представляют собой нарушения как статьи 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах], запрещающей пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, так и пункта 3 g) статьи 14, запрещающего принуждение к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным⁸ (пункт 60 Замечания общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство. Принято Комитетом по правам человека на его 90-й сессии (9–27 июля 2007 года). CCPR/C/GC/32).

Для противодействия нарушениям по статье 7 [Международного пакта о гражданских и политических правах] важно, чтобы закон запрещал использование или принятие в качестве приемлемых в судебных разбирательствах заявлений или признаний, полученных путем применения пыток или других запрещенных видов обращения (пункт 12 Замечания общего порядка № 20 (запрещение пыток, жестокого или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания). Принято Комитетом по правам человека на его 44-й сессии (1992 год)).

⁶ [П]ри рассмотрении утверждений о том, что доказательства были получены в результате жестокого обращения, от суда первой инстанции может потребоваться осуществление доступа к тем же фактам и элементам, которые ранее являлись предметом рассмотрения органов следствия. Тем не менее, его задача заключается не в рассмотрении индивидуальной уголовной ответственности предполагаемых правонарушителей, а в полном, независимом и тщательном рассмотрении вопроса приемлемости и достоверности доказательства. Принятие показаний в качестве доказательства, несмотря на достоверные утверждения о том, что они были получены в результате жестокого обращения, вызывает серьезные сомнения в справедливости судебных разбирательств (пункт 71 постановления от 26 ноября 2019 года по делу «Белугин против Российской Федерации»).

⁷ Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

⁸ См., например: сообщения № 1044/2002, «Шакурова против Таджикистана», пункт 8.2; № 915/2000, «Рузметов против Узбекистана», пункты 7.2 и 7.3; № 1042/2001, «Боймуродов против Таджикистана», пункт 7.2 и др. о запрете на признание доказательств, полученных в нарушение статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Комитет напоминает – при поступлении жалобы на жестокое обращение в нарушение статьи 7 Пакта, включая психологическое давление с целью получения признания вины, *государство-участник должно незамедлительно провести беспристрастное расследование*⁹. Комитет... указывает на свое [З]амечание общего порядка № 32 (2007) относительно статьи 14 о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство. В указанном Замечании отмечены гарантии, предусмотренные в пункте 3 g) статьи 14 Пакта, которые необходимо толковать в смысле отсутствия какого-либо прямого или непрямого физического или неоправданного психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемых, с тем чтобы добиться признания вины¹⁰ (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 27 июля 2018 года по делу «Ахмед Халиль против Мальдивской Республики»).

Комитет напоминает, что, как ясно следует из пункта 3 g) статьи 14 [Пакта], *после того как ответчик делает достоверное заявление о том, что признание было получено под принуждением, ответственность за установление того, что признание было добровольным, возлагается на прокуратуру* (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 27 июля 2018 года по делу Ахмед Халиль против Мальдивской Республики).

Комитет отмечает – государство-участник несет ответственность за безопасность любого лица, которое находится в заключении, и в тех случаях, когда лицо утверждает, что ему были нанесены телесные повреждения в ходе заключения, на государстве-участнике лежит ответственность представить доказательства, опровергающие эти утверждения¹¹. В этой связи Комитет подтверждает принятые им ранее решения¹² о том, что *бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения*, особенно учитывая следующее обстоятельство – автор и государство-участник не обязательно обладают равным доступом к доказательствам, и зачастую только государство-участник располагает соответствующей информацией. Пункт 2 статьи 4 Факультативного протокола предусматривает – государство-участник обязано добросовестно расследовать все утверждения о нарушениях Пакта, выдвинутых против него и его представителей, и представить Комитету имеющуюся у него информацию. В тех случаях, когда автор предпринимает все разумные попытки собрать доказательства в поддержку своих утверждений, а

⁹ См.: «Аманклычев против Туркменистана» (CCPR/C/116/D/2078/2011).

¹⁰ См.: «Ковалева и др. против Беларуси» (CCPR/C/106/D/2120/2011).

¹¹ См.: Сообщение № 907/2000, «Сирагев против Узбекистана»; Соображения, принятые 1 ноября 2005 года, пункт 6.2; и № 889/1999, «Жейков против Российской Федерации»; Соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункт 7.2.

¹² См., например: Сообщение № 30/1978 «Блейер против Уругвая»; Соображения, принятые 24 марта 1980 года, пункт 13.3; Сообщение № 139/1983, «Контерис против Уругвая»; Соображения, принятые 17 июля 1985 года, пункт 7.2; Сообщение № 1297/2004, «Меджун против Алжира»; Соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.3.

дальнейшее уточнение зависит от информации, которой располагает исключительно государство-участник, то тогда Комитет может счесть утверждения автора обоснованными при отсутствии удовлетворительных доказательств или пояснений в пользу обратного, представленных государством-участником (пункт 11.4 Соображений Комитета по правам человека от 19 июля 2011 года по делу «*Николай Зюскин против Российской Федерации*»).

Комитет напоминает – *жалобы на жестокое обращение должны расследоваться безотлагательно и беспристрастно компетентными органами*¹³ (пункт 11.5 Соображений Комитета по правам человека от 19 июля 2011 года по делу «*Николай Зюскин против Российской Федерации*»).

*Информация, полученная в результате пыток, не должна рассматриваться в качестве доказательств*¹⁴ (пункт 9.5 Соображений Комитета по правам человека от 11 марта 2016 года по делу «*Филипп Максимович Польских против Российской Федерации*»).

правовые позиции Комитета ООН против пыток¹⁵

Комитет напоминает, что в силу статьи 15 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] *государства-участники обязаны принять меры к тому, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства*. Кроме того, Комитет ссылается на [свою] практику..., согласно которой общий характер положений статьи 15 вытекает из абсолютного характера запрета пыток и, следовательно, *предполагает обязательство любого государства-участника проверять, не были ли получены с помощью пыток заявления, которые служат элементами процедуры, находящейся в его компетенции*¹⁶ (пункт 10.2 Решения Комитета против пыток от 10 ноября 2017 года по делу «*Микель Кабикойс Каррера Саробе против Франции*»).

¹³ См.: Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток и жестокого обращения и наказания, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, дополнение № 40 (A/47/40)*, приложение VI, раздел A, пункт 14.

¹⁴ См.: Комитет против пыток, Замечание общего порядка № 32, пункт 41.

¹⁵ Комитет ООН против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

¹⁶ См. «*П.Э. против Франции*» (CAT/C/29/D/193/2001), пункт 6.3.

правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Соблюдение правила о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, исключительно важно для обеспечения запрета пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (других видов жестокого обращения), поскольку является фактором сдерживания применения пыток и других видов жестокого обращения или наказания. Согласно этому правилу, в любых судебных разбирательствах абсолютно запрещается использовать заявления, полученные с применением пыток или других видов жестокого обращения или наказания¹⁷. Однако на практике этот запрет применяется не всегда. Более того, вероятно, самым слабым аспектом этого правила является формулировка статьи 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которой чаще всего пренебрегают государства, где применяются пытки. Некоторые государства допускают узкое толкование понятия «любое судебное разбирательство» как означающее судопроизводство уголовного характера в отношении лица, сделавшего заявление. Что еще важнее, в некоторых случаях высказывается мнение – правило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, применяется только в тех случаях, когда установлено, что соответствующее заявление было сделано под пытками. Однако следует иметь в виду следующее: правило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, является нормой международного обычного права и применение этого правила не ограничивается рамками Конвенции, которая касается лишь одного из аспектов применения этой нормы. Правило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, должно рассматриваться как один из составных элементов общего абсолютного запрета пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и как обязанность предупреждать такие акты (пункт 17 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

¹⁷ В указанном правиле предусмотрено ограниченное исключение, а именно в случае, если лицо преследуется по закону за пытки, заявление на этот счет может быть принято в качестве доказательства того, что соответствующее заявление было сделано. Однако существует мнение, что содержание этой формулировки не означает исключения из правила, поскольку в процессуальных действиях в отношении лица, обвиняемого в совершении пыток, признательное заявление принимается не в качестве доказательства истины, а лишь как подтверждение факта соответствующего признания (См. источник: *J. Herman Burgers and Hans Danelius, The United Nations Convention Against Torture. A Handbook on the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment* (Dordrecht, Netherlands, Martinus Nijhoff Publishers, 1988), pp. 147–148).

Комитет по правам человека и Комитет против пыток пришли к выводу о том, что *правило непринятия доказательств, полученных незаконным путем, является частью или вытекает из нормы о полном и абсолютном запрете пыток и других видов жестокого обращения*. В статье 12 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3452 (XXX))¹⁸ Генеральная Ассамблея ООН четко заявила, что «любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой или в результате другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство вида обращения и наказания, не может привлекаться в качестве свидетельства против лица, которого касается любое судебное преследование». В статье 15 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] устанавливается: «каждое государство-участник обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что это заявление было сделано» (пункт 20 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года A/HRC/25/60).

Поскольку запрет на пытки и другие виды жестокого обращения является абсолютной нормой, не допускающей отступлений ни при каких обстоятельствах, то и *правило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, также должно соблюдаться при любых обстоятельствах*, в том числе в ситуациях, имеющих отношение к государственной безопасности¹⁹. Кроме того, поскольку запрет пыток и других видов жестокого обращения является частью международного обычного права, то правило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, являющееся частью указанного запрета, должно применяться также государствами, не являющимися участниками Конвенции против пыток²⁰. После трагических событий 11 сентября 2001 года Комитет против пыток уточнил, что обязательства, закрепленные в пункте 2 статьи 2 Конвенции, согласно которому «никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были не могут служить оправданием пыток», правило о непринятии доказательств, полученных

¹⁸ См.: /URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/torture.shtml.

¹⁹ См., например: пункт 2 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах; пункт 2 статьи 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и A/63/223, пункт 34.

²⁰ См.: пункт 16 резолюции 67/161 и статью 12 резолюции 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи и источник: *Matt Pollard*, "Rotten fruit: State solicitation, acceptance and the use of information obtained through torture by another State", *Netherlands Quarterly of Human Rights*, Vol. 23, No. 3 (2005).

незаконным путем (пункт 15 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания]), и запрещение актов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (пункт 16 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания]) являются тремя нормами Конвенции, которые *«надлежит соблюдать во всех обстоятельствах»*²¹ (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

Комитет против пыток принял заявление²²..., согласно которому *наличие следов физического воздействия или шрамов на теле не должно быть обязательным условием для вынесения решения о неприемлемости показаний, полученных с применением пыток*. Кроме того, для того, чтобы показать, что доказательства получены не под пытками, суд должен полагаться и на иные доказательства (помимо официального заявления следователя по соответствующему делу) (пункт 25 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

Хотя правило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, конкретно не указано в перечне правил, применяемых в отношении как пыток, так и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения²³, Комитет против пыток в качестве органа, полномочного толковать Конвенцию [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания], четко заявил, что заявления и признательные показания, полученные *в результате всех видов жестокого обращения*, не должны приобщаться к делу... В силу неопределенности в указанном вопросе некоторые суды полагали, что правило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, не применяется в отношении признаний, полученных в результате жестокого обращения, которое по степени тяжести не подпадает под категорию пыток. Комитет по правам человека дал официальное толкование статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах и сделал вывод о том, что *правило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, применимо в отношении как пыток, так и других видов жестокого обращения*²⁴. Аналогично Комитет против пыток в пункте 6 своего Замечания

²¹ См.: Комитет против пыток, Замечание общего порядка № 2 (2007) об имплементации статьи 2 государствами-участниками, пункт 6.

²² См.: CAT/C/SR.1024, пункт 29.

²³ См.: Статья 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

²⁴ См.: Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 32 (2007) о равенстве перед судами и трибуналами и праве каждого на справедливое судебное разбирательство, пункт 41.

общего характера № 2 заявил, что он считает, что «*статьи 3–15 Конвенции являются в равной степени обязательными применительно как к пыткам, так и к жестокому обращению*» и в статье 12 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания²⁵ четко определено, что любое заявление, сделанное в результате жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство вида обращения и наказания, не может привлекаться в качестве свидетельства (пункт 26 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

*[П]равило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, должно применяться независимо от того, в какой части мира применялись пытки, и даже в тех случаях, когда государство, которое намерено использовать полученные незаконным путем доказательства, никогда ранее пыток не применяло и не имело к ним никакого отношения*²⁶ (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

Действие правила о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, распространяется на ситуации, когда жертвой обращения, нарушающего запрет на применение пыток или других видов жестокого обращения, являются не только конкретное обвиняемое лицо, но и третьи лица, имеющие отношение к соответствующему делу. Этот вывод явно следует из формулировки статьи 15 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания], в которой говорится, что под действие правила о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, подпадает «любое заявление в ходе любого судебного разбирательства», а не только заявления, сделанные обвиняемым во внутреннем судебном органе соответствующего государства. Комитет против пыток, Европейский [С]уд по правам человека и Межамериканский [С]уд по правам человека решительно выступают против использования доказательств, полученных от третьих лиц в результате применения пыток, независимо от того, могут ли указанные доказательства использоваться в судебных разбирательствах соответствующей страны или в судебных разбирательствах в

См. также: Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование (A/CONF.144/28/Rev.1) (режим доступа: URL: http://ssrf.sudrf.ru/?page_id=129) и второй ежегодный доклад Международного трибунала по бывшей Югославии (A/50/365-S/1995/728), пункт 26, сноска 9, относительно поправки к правилу 95 Правил процедуры и доказывания.

²⁵ См.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/torture.shtml

²⁶ См.: CAT/C/CR/33/3, пункт 4.

третьем государстве²⁷ (пункт 28 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

*Действие правила о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, распространяется не только на признательные показания и другие заявления, полученные под пытками, но также и на все связанные с ними доказательства, полученные впоследствии законными способами, но опирающиеся на доказательства, полученные под пытками*²⁸. В некоторых юрисдикциях этот подход называется доктриной «плодов отравленного дерева». Вне всякого сомнения, что под действие этой доктрины подпадают также фактические доказательства, полученные в результате жестокого обращения, не относящегося к категории пыток²⁹ (пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

*Сфера действия правила о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, не ограничивается рамками уголовного судопроизводства; она распространяется также на деятельность военных комиссий, советов по вопросам иммиграции и на разбирательства по другим вопросам административного или гражданского характера*³⁰. Фраза «любое судебное разбирательство» предполагает охват весьма широкого круга разбирательств; фактически речь идет о любых официальных процедурах принятия решений государственными должностными лицами на основе информации любого типа (пункт 30 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

По мнению Специального докладчика, *исключительно важна правильная интерпретация в тексте статьи 15 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] слов «как установлено»*. В этом контексте необходимо должным образом учитывать особые трудности доказывания утверждений о применении

²⁷ См., например: дело «Ктити против Марокко»; Комитет против пыток, Сообщение № 419/2010; дело «Эль Хасеи против Бельгии», заявление № 649/08; Европейский Суд по правам человека, постановление от 25 сентября 2012 года, пункт 85.

²⁸ См.: «Cabrera Garca and Montiel Flores v. Mexico», Inter-American Court of Human Rights, Series C, No. 220, judgement of 26 November 2010, para. 167 (including evidence obtained under duress).

²⁹ См.: Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 32, пункт 6; см. также источник: African Commission on Human and Peoples' Rights, Principles and Guidelines on the Right to a Fair Trial and Legal Assistance in Africa, section N, para. 6 (d) (i).

³⁰ См., например: дело «Г. К. против Швейцарии», Комитет против пыток, сообщение № 210/2002, пункт 6.10.

пытках, которые во многих случаях применяются скрытно, опытными дознавателями, умеющими не оставлять на своих жертвах видимых следов пыток. Кроме того, очень часто официальные лица, в обязанности которых входит недопущение применения пыток и других видов жестокого обращения, способствуют сокрытию фактов такого обращения (пункт 31 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60)³¹.

Специальный докладчик считает: *от заявителя жалобы требуется только продемонстрировать, что представляемые им утверждения хорошо обоснованы и что поэтому имеются достаточные основания полагать, что существует реальный риск того, что применялись пытки или жестокое обращение, и после этого бремя доказывания должно перемещаться на сторону обвинения и на суды.* Комитет против пыток в своих решениях также систематически заявляет, что бремя доказывания лежит на государственных органах, исходя из того, что общий характер статьи 15 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] обусловлен абсолютным характером запрета пыток и поэтому предполагает обязанность каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, предусмотренные в рамках процедуры экстрадиции в их соответствующей юрисдикции, сделаны под пытками. Поэтому именно государственные органы обязаны надлежащим образом расследовать, нет ли реального риска того, что признание или другие показания были получены незаконным путем, в том числе с применением пыток или других видов жестокого обращения (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

[П]равило о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, устанавливает в международном праве полный запрет на использование доказательств, полученных с применением пыток или иных видов жестокого обращения, в ходе любого судебного разбирательства. *Соблюдение этого правила считается предупредительной мерой, необходимой для обеспечения абсолютного характера запрета пыток и жестокого обращения и выполнения обязательства предупреждать и не допускать такие акты, при одновременном*

³¹ По мнению Специального докладчика, вызывает серьезную озабоченность тот факт, что, похоже, на практике бремя доказывания по поводу приемлемости в суде показаний, полученных с применением пыток или других видов жестокого обращения, возлагается не на государство, а на обвиняемого, в связи с чем возникает реальный риск того, что соответствующие показания будут признаны судом приемлемыми, поскольку обвиняемый не сможет доказать, что они были получены с применением пыток (пункт 31 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

соблюдении других положений Конвенции и норм обычного права. Учитывая цели и предмет правила о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, и общий характер запрета пыток и других видов жестокого обращения, *необходимо существенно расширить толкование указанного правила, так чтобы действие этого правила распространялось на деятельность государственных органов исполнительной власти*³². Отношение к информации, полученной с применением пыток или других видов жестокого обращения, даже в ситуациях, когда ее не предполагается использовать в официальных разбирательствах, должно всегда быть таким же, каким должно быть отношение суда к доказательствам, полученным незаконным путем, и поэтому соответствующие доказательства не должны приниматься к рассмотрению. В соответствии со статьями 2 и 16 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] государства-участники обязаны принимать меры по предупреждению пыток и жестокого обращения *путем принятия надлежащих превентивных мер*. Непринятие таких мер (вследствие чего оказывается возможным совершение пыток), или непринятие достаточных мер или несоблюдение должной осмотрительности в целях предупреждения, расследования или наказания за совершение актов пыток – все это способствует нарушению запрета на пытки. Это касается и деятельности судебных органов, которые выполняют функцию блюстителя законности действий государственных органов. *Принятие и использование вне официальных рамок судопроизводства информации, в отношении которой существует вероятность, что она была получена с применением пыток или других видов жестокого обращения, или обмен информацией, вследствие которого могут иметь место такие акты, является нарушением основополагающего полного запрета пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего обращения или наказания* (пункт 47 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

*[О]тветственность государства за соучастие в применении пыток или других видов жестокого обращения путем сбора, обмена или получения информации, полученной незаконным путем, должна регулироваться с использованием иных стандартов*³³, особенно имея в виду, что в отношении

³² См.: A/ HRC/16/52, пункты 53–57; A/67/396, пункты 48–49.

³³ «[В] статье 16 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния [Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 2001 года. A/RES/56/83 (URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/237428/A_RES_56_83-U.pdf?sequence=5&isAllowed=y)] устанавливается следующее: государство несет ответственность за международно-противоправное деяние, если оно знало либо о том, что оказываемая помощь облегчает совершение соответствующего деяния, либо о намерении такого использования предоставляемой им помощи. Некоторые национальные суды применяют завышенный порог требований, которым должны соответствовать деяния

пытках и других видов жестокого обращения действует четкий, универсальный и абсолютный запрет императивного характера и установлена твердая обязанность предотвращать такие действия. Ответственность государств носит объективный характер и является следствием конкретных проявлений политики или практики молчаливого согласия с применением пыток. Кроме того, аргумент о необходимости применения других, менее ограничительных стандартов для установления намерения государства соучаствовать в актах пыток, подкрепляют и специальные правила, сформулированные в статьях 40 и 41 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в которых говорится о «серьезном нарушении» государством «обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права» (пункт 52 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

Сбор, обмен или получение информации из страны, в отношении которой известно или должно было быть известно, что она широко и систематически практикует применение пыток, отражает молчаливое согласие с этой ситуацией, и такое поведение равносильно соучастию в пытках, поскольку, таким образом, нарушение законности косвенным образом признается, но не предпринимается мер, необходимых для предупреждения или недопущения применения пыток. Систематические или широко распространенные правонарушения включают в себя пытки как элемент либо государственной политики, либо практической деятельности органов государственной власти, над которыми нет эффективного контроля правительства. Соответственно, если известно, что в каком-либо государстве заключенные, или отдельные категории заключенных, систематически подвергаются пыткам, то ни одно другое государство не имеет права заниматься активным сбором и обменом информацией или признавать любую информацию, поступающую от учреждений соответствующего государства, как информацию, «полученную законным образом», равно как оно не имеет права и «пассивно» принимать такую информацию. Помимо этого сбор, обмен или получение каким-либо государством информации от государства, в отношении которого известно, что оно практикует пытки в широких масштабах и на систематической основе, являются нарушениями, подпадающими под действие статьи 41 проекта статей

государства, чтобы их можно было квалифицировать как соучастие в международно-противоправных деяниях; они считают, что получение и практическое использование информации, о которой известно, что она получена с применением пыток, не является соучастием государства в соответствии с международным обычным или договорным правом, если при этом не было прямого побуждения применять пытки» (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

об ответственности государств за международнопротивоправные деяния³⁴. В своих комментариях Комиссия международного права отмечает, что сформулированная в пункте 2 статьи 41 упомянутого проекта статей *обязанность не признавать правомерность положения, сложившегося в результате серьезного правонарушения, означает также запрет и на действия, которые бы означали такое признание* (пункт 54 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

Специальный докладчик считает – *принимающие информацию государства несут ответственность за то, что их политика и практические действия способствуют поддержанию ситуации незаконности, что является серьезным нарушением императивной нормы, касающейся запрета пыток и других видов жестокого обращения, и несовместимо с обязательствами государств erga omnes³⁵ сотрудничать по вопросам, касающимся искоренения пыток*. Даже если в конечном счете соответствующая информация не будет использована, и поэтому не будет критически проверяться, в силу того, что прием информации, полученной с применением пыток или других видов жестокого обращения в странах с неудовлетворительным соблюдением прав человека, является актом потворства пыткам или жестокому обращению, снижается вероятность того, что соответствующее государство будет публично выступать против такой практики, и для него наступает ответственность за соучастие в применении пыток и за совершение международно-противоправных деяний (пункт 55 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60)³⁶.

³⁴ Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 2001 года. A/RES/56/83. Режим доступа: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/237428/A_RES_56_83-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y.

³⁵ *Erga omnes* (с лат. «относительно всех») – концепция международного права, согласно которой у любого суверенного государства как участника международных отношений существует определенный ряд обязательств перед всем мировым сообществом в целом, имеющие универсальный характер, и в обеспечении которых заинтересовано каждое государство.

³⁶ «[И]спользование информации, полученной в результате пыток в другой стране, даже если такие сведения собраны исключительно в оперативных целях, неизбежно подразумевает «признание законности» такой практики и в силу этого требует применения принципов ответственности государств. Таким образом, те государства, которые пользуются информацией, полученной в результате применения пыток или бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения, являются соучастниками в совершении международно-противоправных деяний. Такое участие также несовместимо с обязательством *erga omnes* государств сотрудничать в деле искоренения пыток» (пункт 55 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 года, A/HRC/16/52).

В ситуациях, когда свидетельства о «систематических» пытках отсутствуют, правовая ответственность государств наступает, если государство, которое участвует в сборе, обмене или получении информации, знало или должно было знать, что существовал реальный риск того, что его участие в такой деятельности могло побуждать другое государство к применению незаконных средств получения информации и что принимаемая им информация могла быть получена в другом государстве с использованием незаконных средств. В таких ситуациях государства, полагающиеся на информацию, собираемую не их официальными представителями, должны проявлять надлежащее усердие, чтобы прийти к заключению по поводу упомянутого риска. Принимая информацию без расследования или выяснения того, каким образом она была получена, принимающее государство неизбежно проявляет «признание законности» такой практики, даже если соответствующие сведения собраны исключительно в оперативных целях, и оказывает применяющему пытки государству помощь и поддержку в обеспечении безнаказанности за практикуемые акты пыток. Приняв хотя бы один раз информацию, полученную с применением пыток, принимающее государство фактически поощряет принятие информации от учреждений, которые проводят расследования с нарушениями рамок, предусмотренных международными нормами в области прав человека. Оно создает спрос на информацию, полученную с использованием пыток, и поднимает ее использование в оперативных целях на уровень своей политики. Чтобы не оказаться в положении сообщника незаконной деятельности, учреждения исполнительной власти, прежде чем вступать во взаимодействие с иностранными государствами, должны проводить оценку ситуации и исключать наличие упомянутого риска. Осуществляемое после проведения такой оценки принятие и использование информации, которая могла быть получена с применением пыток и других видов жестокого обращения, вполне можно считать признанием законной ситуации, складывающейся в результате применения пыток и других видов жестокого обращения, поскольку отношение к полученной упомянутым образом информации ничем не отличается от отношения к информации, полученной законным образом (пункт 56 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 апреля 2014 года, A/HRC/25/60).

Получение и использование информации от третьих сторон, которая могла быть собрана путем применения пыток, является не только косвенным оправданием использования пыток и жестокого обращения в качестве приемлемого инструмента для приобретения информации, но и создает рынок для предложения информации, полученной под пытками, что в долгосрочном

плане подрывает такую цель, как недопущение и искоренение пыток (пункт 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 года, A/HRC/16/52).

Хотя статья 15 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] охватывает правовые и административные процедуры, в ней ничего не говорится о применении ее положений *в отношении разведывательных данных или решений исполнительных органов*, косвенно принимаемых на основании судебных или административных расследований. Этот вопрос становится еще более сложным в контексте трудностей, касающихся определения чисто «неформальных превентивных» мер, принимаемых на основании решений исполнительных органов, связанных с формальными административными процедурами. Например, государство может использовать информацию, предоставленную третьей стороной, которая, возможно, была получена с применением пыток, для ареста и задержания какого-либо лица с целью расследования его предполагаемой подозрительной деятельности. В этом случае в процессе ареста подозреваемого лица могут использоваться такие административные процедуры, как издание приказа о депортации. Таким образом, по смыслу статьи 15 [Конвенции против пыток] утверждается следующее – *государственные учреждения должны принимать надлежащие меры для того, чтобы удостовериться в том, была ли информация, на основании которой принимается то или иное решение, получена в результате пытки*. Однако может ли тот факт, что информация была получена при помощи пытки помешать государству изначально производить арест данного лица? Может ли она быть использована в качестве разведывательных данных или предмета для принятия решения исполнительными органами? Являются ли достаточными дипломатические заверения в отношении происхождения информации, представленной третьими сторонами? Не следует забывать о реальной возможности того, что политика использования подобной информации для других целей, помимо судебного разбирательства, может подтолкнуть агентов государства к тому, чтобы вообще отказаться от преследований и стать причастными к исчезновениям людей, внесудебным казням и другим незаконным репрессивным мерам, которые могут привести к полному краху господства права (пункт 54 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 года, A/HRC/16/52).

Признательные показания и заявления, полученные под пытками, по своей природе являются ненадежными и часто способствуют дезориентации и распылению усилий сотрудников правоохранительных органов и работников следствия. Поэтому важное значение имеет понимание того, что *методы, альтернативные применению жестокости, существуют в наличии и*

действительно являются эффективными для удовлетворения потребностей государств в борьбе с преступностью во всех ее проявлениях (пункт 58 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 года, A/HRC/16/52).

[Специальный докладчик] ссылается на статью 15 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] и как и его предшественник *рекомендует не считать приемлемым или имеющим доказательную ценность в любом судебном процессе никакое заявление о признании вины, если оно сделано лишенным свободы лицом не в суде* (пункт 64 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 года, A/HRC/16/52)³⁷.

Недопустимость приобщения к делу доказательств, полученных под пыткой, является одной из важнейших гарантий в рамках системы уголовного правосудия. Она преследует двоякую цель:

во-первых, ввиду того, что пытки в большинстве случаев применяются в ходе уголовных расследований для получения признания, данная гарантия призвана устранить этот главный побудительный мотив применения пыток;

во-вторых, доказательства, полученные под пыткой, являются крайне ненадежными.

Объявление таких доказательств неприемлемыми будет способствовать обеспечению того, что не будут осуждены невинные люди (пункт 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 9 февраля 2010 года, A/HRC/13/39)³⁸.

³⁷ «[А]рестованные на законных основаниях лица не должны содержаться в учреждениях, контролируемых их дознавателями или следователями в течение периода времени, превышающего установленный законом срок для получения судебного приказа о помещении под стражу до суда, которое в любом случае не должно превышать 48 часов. [Специальный докладчик] также отмечает, что досудебное содержание под стражей часто используется для получения признательных показаний под пытками. Как показывает опыт, большинство актов пыток и, безусловно, наиболее жестокого и вопиющего обращения имеет место в первые несколько часов или дней после помещения лица под арест и в период его пребывания в предварительном заключении» (пункт 64 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 года, A/HRC/16/52).

³⁸ «В то время как большинство посещенных государств, судя по всему, в целом включают такое положение в свое законодательство, признания и другие доказательства, полученные под пыткой, все чаще используются в ходе судебного разбирательства. В большинстве посещенных им стран Специальный докладчик ознакомился с весьма большим числом соответствующих утверждений, которые убедительно подтверждаются представителями гражданского общества, адвокатами, местными экспертами в области защиты прав человека и другими лицами. Помимо упомянутых в настоящем разделе процедурных недостатков, одной

Запрещение пыток или любых других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения является абсолютным, не допускает отступлений и касается обращения с любым лицом в пределах компетенции или эффективного контроля государства, даже когда оно не находится на территории государства. Ни при каких обстоятельствах такое обращение не может быть оправдано, и государства должны принимать меры для эффективного предупреждения, выявления и, в случае выявления, судебного преследования лиц, ответственных за все случаи такого обращения³⁹. *Эти меры должны включать, не ограничиваясь этим, ведение постоянной видеозаписи во всех комнатах для допросов с помощью технических средств, которые не могут быть отключены или удалены.* Информация, полученная с помощью пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, где бы это ни происходило, не может ни при каких обстоятельствах быть использована в ходе судебного разбирательства⁴⁰ (пункт 37 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 22 декабря 2010 года, A/HRC/16/51).

В соответствии со статьей 15 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] недопустимо в качестве доказательства лишь то заявление, которое «как установлено, было сделано под пыткой». Здесь центральным вопросом является толкование фразы «как установлено». *Важнейшее значение в этой связи имеет наличие процедуры, которая обеспечивает защиту индивида, в отношении которого приводятся доказательства, без возложения бремени доказывания на любую сторону, которое она была бы не в состоянии нести.* Вместе с тем, учитывая все большую тенденцию к использованию «секретных доказательств» в судебных разбирательствах, полученных, возможно, под пыткой, применявшейся иностранными должностными лицами, вкупе с излишне тяжелым бременем, возлагаемым на индивида, существует возможность подрыва превентивного элемента статьи 15 (пункт 45 Доклада Специального докладчика

из главных причин этого феномена является, судя по всему, практически непреодолимое недоверие, с которым сталкиваются подозреваемые лица. Речь вообще не идет о презумпции невиновности, так как их считают заведомо виновными и полагают, что они ссылаются на применение пыток лишь для того, чтобы избежать правосудия» (пункт 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 9 февраля 2010 года, A/HRC/13/39).

³⁹ См.: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, статья 2; A/HRC/6/17/Add.3, пункт 39; A/HRC/6/17/Add.4, пункт 18.

⁴⁰ См.: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, статья 15; A/HRC/6/17/Add.3, пункты 27–28.

по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 14 августа 2006 года, A/61/259).

Практика международных договорных органов (по делам в отношении Российской Федерации) по оценке при рассмотрении индивидуальных жалоб (сообщений): а) убедительности утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов; б) наличия эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов и в) наличия объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем

*практика Европейского Суда по правам человека*⁴¹

Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 ноября 2019 года по делу «Белугин против Российской Федерации».

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Суд отметил, что заявитель был задержан дважды, первый раз – 25 декабря 2002 года, и второй раз – 27 декабря 2002 года. Между двумя указанными датами он содержался под стражей в полиции и дал признательные показания, которые, как он указал, были получены в результате жестокого обращения. Из материалов дела следовало, что в обоих случаях заявитель оказывал сопротивление и к нему была применена физическая сила. В результате он получил определенные телесные повреждения, которые были задокументированы судебно-медицинским экспертом, освидетельствовавшим его 30 декабря 2002 года, через три дня после его второго задержания полицией. Судебно-медицинский эксперт установил, что телесные повреждения заявителя могли возникнуть за три-пять дней до медицинского освидетельствования (пункт 72 постановления).

При оспаривании медицинских доказательств, упомянутых судом первой инстанции, заявитель указал, что таковые являлись неоднозначными и вызывающими сомнения в отсутствие заключений, описывающих обстоятельства его задержаний и необходимости использования физической силы против заявителя подготовленными полицейскими, которые принимали участие в инциденте, и без какого-либо медицинского освидетельствования в кратчайший срок, когда он был доставлен в отделение полиции. Суд повторил, что указанная мера в значительной степени обеспечила бы рассмотрение судом первой инстанции утверждений заявителя о том, что он также был избит после его задержания, в частности, принимая во внимание драку при его задержании. Такое медицинское освидетельствование, по мнению Суда, не только позволило бы убедиться в том, что состояние его здоровья было годным для допроса в

⁴¹ Здесь и далее решения международных договорных органов изложены в установленном порядке.

полиции, но также являлось бы доказательством того, что соответствующие телесные повреждения были получены до того, как заявитель был доставлен в отделение полиции, и помогло бы судам при рассмотрении вопроса о достоверности его утверждений о жестоком обращении (пункт 75 постановления).

У Суда возникли аналогичные сомнения в отношении других доказательств, использованных судом первой инстанции для обоснования версии о том, что телесные повреждения заявителя были причинены ему 27 декабря 2002 года, а именно – показаний секретаря (который присутствовал на слушании по вопросу о заключении заявителя под стражу 27 мая 2002 года) и видеозаписи допроса заявителя от 25 декабря 2002 года. Хотя Суд готов принять то, что телесные повреждения на лице заявителя едва ли могли остаться незамеченными, другие телесные повреждения, такие как кровоподтеки на затылке, было трудно заметить. Дополнительно, сотрудник суда явно ограничила свои показания видимыми телесными повреждениями, тогда как адвокат, который представлял заявителя 25 декабря 2002 года в ходе его допроса в качестве подозреваемого и в ходе проверки показаний на месте преступления, даже не был допрошен (пункт 76 постановления).

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: несмотря на то, что медицинское заключение было указано судом первой инстанции в качестве доказательства, подтверждающего версию стороны обвинения о том, что все телесные повреждения заявителя были получены 27 декабря 2002 года в ходе его второго задержания, Суд отметил, что упомянутое заключение не включало подробное определение того, когда были получены телесные повреждения, но охватывало указание того, что телесные повреждения были получены за 3–5 дней до медицинского освидетельствования. Таким образом, упомянутое заключение явным образом охватывало возможность получения травм до того, как были даны признательные показания. Тем не менее, суд первой инстанции не поставил под сомнение способ выполнения судебно-медицинской экспертизы, в частности, посредством выяснения того, была ли предоставлена судебно-медицинскому эксперту полная информация об обстоятельствах задержаний заявителя, был ли эксперт осведомлен об утверждениях заявителя о жестоком с ним обращении, и было ли эксперту предложено выразить свое мнение о степени соответствия между различными версиями происхождения телесных повреждений заявителя. Также суд не вызвал и не допросил судебно-медицинского эксперта с целью получения более подробных пояснений (пункт 73 постановления).

Суд первой инстанции также сослался на свидетельство, выданное должностными лицами ИВС, в котором было указано, что заявитель не имел телесных повреждений во время содержания под стражей в период с 25 по 27 декабря 2002 года. Тем не менее, после обоих задержаний (25 и 27 декабря 2002 года) в медицинской карте заявителя, составленной в ИВС, было указано, что заявитель не имел телесных повреждений, хотя ясно, что как

минимум в одном случае определенные телесные повреждения должны были быть зарегистрированы. Отсылка суда первой инстанции к упомянутому свидетельству, следовательно, не смогла развеять сомнения в отношении жалоб заявителя (пункт 74 постановления).

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: все телесные повреждения заявителя были получены 27 декабря 2002 года в ходе его второго задержания, то есть после дачи заявителем признательных показаний (пункт 73 постановления).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: 9 июня 2006 года суд признал заявителя виновным в совершении трех ограблений и убийства, и приговорил его к двадцати годам лишения свободы. При этом суд первой инстанции сослался, в числе прочих доказательств, на его признательные показания от 25 и 26 декабря 2002 года. Впоследствии заявитель отказался от всех показаний и указал, что они были получены под давлением. Он ходатайствовал перед судом первой инстанции об объявлении его показаний неприемлемыми. В поддержку своего ходатайства он сослался на отказ в возбуждении уголовного дела от 30 января 2003 года, добиваясь установления того, что его травмы были получены в ходе его задержания 25 декабря 2002 года, на заключение судебно-медицинской экспертизы от 30 декабря 2002 года и показания, данные его родственниками, а именно, его матерью и сестрой, которые 27 декабря 2002 года, до слушания по вопросу о заключении под стражу, заметили на нем следы избиения (пункт 69 постановления).

Суд первой инстанции не проигнорировал ходатайство заявителя об объявлении признательных показаний заявителя неприемлемыми, и осуществил проверку его утверждений о жестоком обращении. Он вызвал и допросил ряд свидетелей, а именно, родственников заявителя, полицейских, и секретаря, который присутствовал на слушании по вопросу о заключении под стражу. Он также рассмотрел медицинские доказательства (в частности, заключение судебно-медицинской экспертизы и медицинскую карту заявителя из ИВС), а также другие доказательства, такие как видеозаписи допроса заявителя в качестве подозреваемого. В результате столь тщательного изучения материалов дела суд первой инстанции пришел к заключению о том, что телесные повреждения заявителя были получены 27 декабря 2002 года, а именно – после того, как он дал свои признательные показания, в ходе его второго задержания, когда полиция была вынуждена применить силу для преодоления его сопротивления. Следовательно, он объявил признательные показания заявителя приемлемыми и включил их в перечень доказательств против него (пункт 70 постановления).

Суд рассмотрел вопрос о том, изучили ли внутригосударственные суды надлежащим образом возражения, приведенные заявителем в отношении надежности и доказательной силы его признательных показаний, и предоставили

ли ему эффективную возможность оспорить их приемлемость и убедительно возразить против их использования. Он повторил в данном отношении, что при рассмотрении утверждений о том, что доказательства были получены в результате жестокого обращения, от суда первой инстанции может потребоваться осуществление доступа к тем же фактам и элементам, которые ранее являлись предметом рассмотрения органов следствия. Тем не менее, его задача заключается не в рассмотрении индивидуальной уголовной ответственности предполагаемых правонарушителей, а в полном, независимом и тщательном рассмотрении вопроса приемлемости и достоверности доказательства. Принятие показаний в качестве доказательства (несмотря на достоверные утверждения о том, что они были получены в результате жестокого обращения) вызывает серьезные сомнения в справедливости судебных разбирательств (пункт 71 постановления).

Суд заключил, что при принятии решения о допуске в качестве доказательства признательных показаний заявителя, суд первой инстанции основывал свое решение на доказательстве, доказательная ценность которого оставалась под вопросом и вызывала сомнения. При этом он отклонил другие доказательства, приведенные заявителем и указывающие на другую версию. Например, несмотря на то, что постановление от 30 января 2003 года об отказе в возбуждении уголовного дела было приобщено к материалам дела по ходатайству заявителя, суд первой инстанции не представил комментарии к своему выводу о том, что телесные повреждения, документированные судебно-медицинским экспертом, были причинены 25 декабря 2002 года (пункт 77 постановления).

Таким образом, Суд не смог не заключить, что суд первой инстанции не рассмотрел независимым и тщательным образом достоверные утверждения заявителя о том, что его признательные показания являлись результатом насилия со стороны полиции. Это явилось более проблематичным, учитывая то, что все указанные показания, от которых заявитель впоследствии отказался, были даны в отсутствие адвоката. Более того, Суд установил, что как минимум одно заявление было сделано в период, когда заявитель содержался под стражей без составления протокола о задержании и без предварительного уведомления о его правах в качестве лица, задержанного по подозрению в совершении уголовного правонарушения (пункт 78 постановления).

В указанных обстоятельствах Суд заключил следующее: ходатайство заявителя об объявлении его признательных показаний неприемлемыми не являлось предметом полного, независимого и тщательного рассмотрения и оценки судом первой инстанции. Следовательно, Суд не убедился в том, что заявитель располагал эффективной возможностью оспорить приемлемость своих признательных показаний и эффективно отказаться от их использования. Вышеизложенных соображений стало достаточно для того, чтобы Суд пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 октября 2019 года по делу *«Григорьев против Российской Федерации»*.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Суд установил – в момент задержания заявителя 14 декабря 2005 года в протоколе задержания было ясно указано, что у заявителя не было телесных повреждений.

Суд отметил, что после пяти дней пребывания под стражей, противоречащего статье 5 Конвенции, заявителя перевели в изолятор временного содержания, где, по его прибытию, были констатированы многочисленные телесные повреждения, которые, согласно показаниям, занесенным в документ, оформленный в этой связи, были получены в результате бытовой травмы. Суд указал, что в заключении проведенной медицинской экспертизы заявителя было отмечено наличие многочисленных телесных повреждений, которые, по словам заявителя, были получены во время драки (пункт 73 постановления).

Суд выявил противоречие относительно происхождения телесных повреждений между объяснениями, присутствующими в документе, оформленном при помещении заявителя в изолятор временного содержания и объяснениями в отчете о результатах экспертизы. Но Суд особо отметил, что данные объяснения противоречат указанию об отсутствии телесных повреждений у заявителя в момент его задержания 14 декабря 2005 года (пункт 74 постановления).

Кроме того, Суд нашел убедительным довод заявителя, согласно которому он был вынужден солгать о происхождении своих телесных повреждений и не заявил о предполагаемом жестоком обращении до судебного разбирательства из страха репрессий со стороны сотрудников милиции и ввиду недоверия назначенному адвокату. Суд напомнил в этой связи, что во время расследования по уголовному делу заявитель содержался под стражей незаконно и оказывался уязвимым (пункт 75 постановления). В данных обстоятельствах Суд счел, что заявления о жестоком обращении с заявителем были правдоподобными и требовали рассмотрения в рамках расследования, способного их подтвердить или опровергнуть.

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: Суд указал, что заявления, поданные заявителем были отклонены органами власти со ссылкой на показания милиционеров, которые отвергли обвинения в жестокости. Таким образом заявления были отклонены даже без решения о возбуждении уголовного дела (пункт 77 постановления).

Суд установил, что заявитель не подавал никакой жалобы на сотрудников правоохранительных органов около десяти месяцев (с декабря 2005 года по октябрь 2006 года). Однако, учитывая, что отчет о результатах экспертизы, в котором описывалось состояние телесных повреждений заявителя, был составлен в срочном порядке по инициативе дознавателя, органы власти были предупреждены – заявитель мог подвергаться жестокому обращению, и они,

таким образом, должны были предпринять действия даже при отсутствии формальной жалобы, и это невзирая на указание в указанном отчете, что данные телесные повреждения могли быть получены до ареста (пункт 79 постановления).

Однако, Суд отметил, что судья не дал хода обращениям заявителя, которые были занесены в протокол судебного заседания, и приравнивались к устной жалобе, и что они не были переданы компетентным органам (пункт 80 постановления).

Суд установил – дознаватель, которому была поручена предварительная проверка, не задал заявителю вопросов о его телесных повреждениях, что он не провел очные ставки с лицами, на которых указал заявитель, и что он не пытался устранить противоречие, существовавшее между различными версиями, относительно происхождения телесных повреждений. Европейский Суд посчитал, что установленные недостатки явились последствием отказа в проведении расследования по уголовному делу, которое стало бы адекватным ответом на утверждения о жестоком обращении с заявителем, поскольку оно позволило бы провести все следственные действия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (помимо прочего к ним относятся: допросы, очные ставки, опознание и следственные эксперименты) (пункт 81 постановления).

Суд пришел к выводу, что не было проведено эффективного расследования по поводу утверждений о жестоком обращении, сделанных заявителем и, как следствие, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: по мнению властей, не было установлено, что вышеуказанные телесные повреждения были получены во время содержания заявителя под стражей в период с 14 по 19 декабря 2005 года. Однако с учетом того факта, что данный довод опирался на результаты доследственных проверок, которые не соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции, Суд резюмировал, что власти не предоставили правдоподобных объяснений телесным повреждениям заявителя и не выполнили возложенного на них обязательства опровергнуть достоверную версию событий, представленную заявителем. Следовательно, Суд посчитал установленной версию событий заявителя, в соответствии с которой он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции (пункт 83 постановления).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения: Суд констатировал тот факт, что заявитель подвергался бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению во время его содержания под стражей в период с 14 по 19 декабря 2005 года. Признания, которые сотрудники правоохранительных органов получили от заявителя силой посредством такого

обращения, были приняты национальными судами в качестве доказательств его вины. Данного факта уже самого по себе достаточно, чтобы автоматически признать полностью несправедливым разбирательство по уголовному делу в отношении заявителя. Из этого следовало, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (пункт 90 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 октября 2019 года по делу *«Уразбаев против Российской Федерации»*.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Суд подчеркнул, что заявления У., брата заявителя, сделанные 12 и 14 мая 2002 года, были использованы в качестве доказательств для обоснования вынесения заявителю приговора за совершение убийства. В ходе процесса заявитель требовал, чтобы их объявили неприемлемыми на том основании, что они были получены посредством применения пыток со стороны милиционеров в ходе незаконного содержания под стражей его брата. Кроме того, в ходе допроса в качестве свидетеля в судебном заседании брат заявителя отказался от показаний, повторив свои заявления о пытках. Внутригосударственные суды, однако, решили оставить их в деле. При этом они сослались на заключения внутригосударственных расследований, в соответствии с которыми У. сам нанес себе раны, обнаруженные у него во время его содержания под стражей в милиции (пункт 63 постановления).

Между тем, Суд не мог не упомянуть, что 10 мая 2002 года У., у которого не было телесных повреждений, был задержан в качестве подозреваемого в краже скота. Он оставался под контролем милиции сначала на том основании, что он совершил административное правонарушение, затем в качестве подозреваемого в краже до 16 мая 2002 года, когда он был помещен в изолятор. В ходе этого содержания под стражей и после определенных «обсуждений» с сотрудниками правоохранительных органов 12 мая 2002 года он сделал заявления о виновности заявителя. 14 мая 2002 года У., который все еще находился в милиции и которому не оказывалась помощь защитником, дал новые показания, снова свидетельствующие о виновности заявителя, и в их подтверждение нарисовал схему. В тот же день у У. были зафиксированы многочисленные повреждения на голове (пункт 67 постановления).

Суд напомнил, что у него уже была возможность критиковать ситуации, в которых лицо задерживалось под предлогом совершения им административного правонарушения, чтобы получить возможность передать его в распоряжение сотрудников правоохранительных органов и допросить неофициальным путем в отсутствие каких-либо гарантий и, в частности, в отсутствие адвоката, в связи с уголовным правонарушением. Эти обстоятельства сами по себе ставят под серьезное сомнение добровольный характер полученных показаний в таких условиях и должны были вызвать беспокойство у судебных инстанций относительно достоверности и подлинности данных таким образом показаний (пункт 68 постановления).

Суд отметил, что некоторые раны были выявлены у У. в ходе содержания под стражей, эти раны были нанесены в течение того же промежутка времени, когда он дал показания о виновности заявителя. Что касается происхождения ран, то доследственная проверка, проведенная по его жалобе, окончилась отказом возбудить уголовное дело на том основании, что У. нанес себе раны самостоятельно. В подкрепление этого довода прокуроры последовательно ссылались на свидетельства милиционеров, отрицавших незаконные действия в отношении У., а также на судебно-медицинское заключение от 14 мая 2002 года, содержащее вывод о том, что обнаруженные раны были нанесены твердым тупым предметом, и указание на время их появления за три дня до осмотра. Суд не смог не указать на отсутствие в этом заключении вывода о степени вероятности довода об умышленном нанесении ранения самому себе, выдвигаемого органами власти. Кроме того, из материалов дела не следовало, что судебно-медицинскому эксперту было предложено высказать мнение о таком предположении относительно появления ран У. (пункт 69 постановления).

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: Суд напомнил, что, кроме случаев, когда существуют серьезные основания для иного заключения, понятие справедливого судебного разбирательства требует, чтобы показаниям, данным в суде, придавалось большее значение, чем протоколам допроса свидетеля перед судебным разбирательством. Между тем, в данном деле судебная инстанция, выносящая решение, придала решающее значение показаниям, данным свидетелем на этапе следствия, проигнорировав его показания в судебном заседании без объяснения причин (пункт 64 постановления).

Суд обратил внимание на то, что при наличии достоверных заявлений, в соответствии с которыми обвинительное свидетельское показание было получено под принуждением в связи с применением недозволенных методов ведения расследования, судебной инстанции, выносящей решение, следует провести полный, независимый и исчерпывающий анализ условий, при которых были получены эти показания, независимо от оценки, которая была им дана органами власти, осуществляющими преследование. В данном деле такой анализ был тем более важным и должен был быть тем более тщательным, что заявитель, который не являлся стороной в производстве, в котором его брат подавал жалобы на ненадлежащее обращение, был лишен возможности принимать в нем участие и оспаривать его результат (пункт 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что в данном деле, посчитав показания У., данные 12 и 14 мая 2002 года, приемлемыми, областной суд в основном удовлетворился простой ссылкой на заключения доследственных проверок, проведенных прокуратурой в связи с жалобой на ненадлежащее обращение, поданной У., и на показания милиционеров, в соответствии с которыми они не совершали никаких незаконных действий по отношению к У. Следовательно, суд не провел отдельный анализ обстоятельств, при которых были сделаны эти заявления (пункт 66 постановления).

Несмотря на сомнительные условия, в которых заявления У. были получены милицией, выявляющие реальный риск ненадлежащего обращения, а также несмотря на отсутствие достоверного объяснения точного происхождения его травм у следователей и достоверных доказательств, свидетельствующих об умышленном нанесении ранений самому себе, судебная инстанция не провела отдельного рассмотрения подлинности и надежности показаний о вине заявителя, полученных таким образом (пункт 70 постановления).

В данном деле суд должен был не выносить решение об индивидуальной уголовной ответственности милиционеров и следователей за предполагаемое ненадлежащее обращение, а по вопросу, были ли эти доказательства получены в обстоятельствах, которые могли поставить под сомнение их достоверность и подлинность. Для этого он располагал всеми необходимыми полномочиями, а именно, полномочием допрашивать свидетелей, экспертов и предполагаемых преступников по обстоятельствам применения предполагаемого ненадлежащего обращения и получения показаний У. Между тем, суд не допросил сотрудников правоохранительных органов, обвиняемых У., кроме П. и Ум., показания которых ограничивались обстоятельствами хода следствия, а также не назначил дополнительную экспертизу ран У. и не вызвал на заседание эксперта для получения более подробных объяснений (пункт 72 постановления).⁴²

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: власти полагали – даже если предположить, что У. сделал признание под принуждением, эти признания не являлись единственными доказательствами вины заявителя. В любом случае, они не были решающими доказательствами для его осуждения по уголовному делу, которое подтверждалось другими многочисленными соответствующими доказательствами. Они заключили, что уголовный процесс в отношении заявителя был справедливым, а гарантии пункта 1 статьи 6 Конвенции были соблюдены (пункт 56 постановления).

⁴² Как неоднократно отмечалось Судом, «даже если предположить, что следствие было проведено безупречно, вопрос приемлемости доказательств не должен рассматриваться в связи с вопросом индивидуальной уголовной ответственности. Так, следствие по уголовному делу по поводу заявлений о ненадлежащем обращении может закончиться неудачей по различным причинам, например, в связи с невозможностью доказать связь между заявляемыми фактами и предполагаемым преступником, или установить намерение или иной составляющий элемент правонарушения, или в связи с истечением срока давности. Между тем, если в рамках уголовного процесса обвиняемый требует исключения доказательств, потому что, по его мнению, они были получены под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования, судебная инстанция, выносящее решение, должна вынести решение не по вопросу индивидуальной ответственности, как в рамках следствия по уголовному делу в связи с жестокостью сотрудников правоохранительных органов, а по вопросу приемлемости доказательств. Из этого следует, что если суду представлены достоверные и неопровергнутые заявления, доказывающие, что показания получены под принуждением в связи с применением недозволенных методов ведения расследования, они должны быть исключены, в противном случае все производство будет несправедливым» (пункт 71 постановления).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Суд установил, что принимая показания У., полученные на этапе следствия, в качестве доказательств вины, тогда как обстоятельства их получения говорили о действительной и неопровергнутой угрозе ненадлежащего обращения, а также оставляя без внимания отказ от них в ходе процесса на том единственном основании, что указанные заявления о ненадлежащем обращении были отклонены прокурорами в рамках проверок как необоснованные, областной суд лишил процесс в отношении заявителя справедливости. Это заключение, по мнению Суда, сделало бесполезным рассмотрение довода властей, в соответствии с которым заявления У. не были решающими для обоснования приговора заявителя по факту убийства (пункт 73 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 сентября 2019 года по делу *«Неуймин против Российской Федерации»*.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Суд отметил: после допроса в отделении милиции медицинскими работниками следственного изолятора, куда он был переведен непосредственно из отделения милиции, на теле заявителя был зафиксирован ряд телесных повреждений. После допроса заявитель подписал письменные показания, признаваясь в совершении убийства. Этого вывода, по мнению Суда, достаточно было для того, чтобы создать презумпцию в пользу изложенной заявителем версии событий и убедить Суд в следующем – утверждение заявителя о том, что он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции в районном отделе внутренних дел, заслуживало доверия (пункт 23 постановления). Следовательно, бремя доказывания перекладывалось на власти, которым обязаны были привести удовлетворительное и убедительное объяснение, которое могло поставить под сомнение изложенную заявителем версию событий.

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: в ответ на утверждения заявителя о том, что его телесные повреждения были результатом жестокого обращения во время содержания под стражей в милиции, внутригосударственные органы власти провели доследственную проверку. Обычно после такой проверки, подчеркнул Суд, должно возбуждаться уголовное дело и проводиться расследование, если информация указывает на состав преступления. В постановлении по делу *«Ляпин против Российской Федерации»* Суд постановил – доследственной проверки недостаточно для удовлетворения требований эффективного расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции и что отказ властей возбудить полноценное расследование по небезосновательным утверждениям о жестоком обращении свидетельствовало о невыполнении государством своих процессуальных обязательств по статье 3 Конвенции (пункт 29 постановления).

Суд не увидел оснований для иного вывода в рамках настоящего дела, в котором имелись заслуживающие внимания утверждения о жестоком обращении, которые своевременно были доведены до сведения государственных органов власти. Суд пришел к выводу о том, что власти не провели эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение в период содержания под стражей в милиции, как того требует статья 3 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: в своих замечаниях власти указали, что утверждения заявителя были рассмотрены соответствующими внутригосударственными органами власти и отклонены как необоснованные. Однако, ни в приговоре от 26 декабря 2005 года⁴³, ни во многочисленных отказах в возбуждении уголовного дела не приводились заслуживающего доверия объяснения происхождению травм заявителя. Например, не было дано объяснение причины термических ожогов, которые не могли быть получены заявителем во время его задержания полицией (пункт 25 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что власти не предоставили удовлетворительного и убедительного объяснения причинам возникновения телесных повреждений заявителя. Следовательно, Суд принял версию событий заявителя (пункт 26 постановления).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Суд установил, что признательные показания заявителя были получены в результате бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, которому он был подвергнут при нахождении под стражей в милиции. Суды первой и апелляционной инстанций не исключили признательные показания как недопустимые доказательства и опирались на них при осуждении заявителя за преступление, в совершении которого он признался в этих письменных показаниях (пункт 35 постановления). При таких обстоятельствах Суд пришел к выводу – использование внутригосударственными судами признательных показаний заявителя, полученных в нарушение статьи 3 Конвенции, независимо от их влияния на исход уголовного процесса, сделало весь судебный процесс несправедливым.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2018 года по делу *«Голубятников и Жучков против Российской Федерации»*.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Суд отметил, что 21 января 2005 года

⁴³ 26 декабря 2005 года суд, опираясь, в частности, на признательные показания заявителя, признал его виновным в убийстве.

первый заявитель⁴⁴ был задержан сотрудниками милиции по подозрению в совершении преступления в отношении С., доставлен в отделение милиции и допрошен. Затем с ним встретился следователь Ш., который составил протокол его задержания. Согласно показаниям свидетелей, заявитель не имел травм до задержания. Через полтора часа после зафиксированного в протоколе времени его задержания, когда он был помещен сотрудниками милиции в ИВС, была вызвана скорая помощь, и установлено – заявитель находился в тяжелом состоянии, которое характеризовалось множественными травмами, слабостью и затрудненным дыханием. У него были диагностированы переломы ребер, множественные ушибы и травматический шок. После его немедленного перевода в местную больницу диагноз перелома ребер подтвердился. Судебно-медицинские эксперты также пришли к заключению, что заявитель получил переломы двух ребер с левой стороны и что это могло быть вызвано ударами тупым предметом 21 января 2005 года в обстоятельствах, описанных заявителем, например, в результате нанесения ему ударов руками, ногами или резиновой дубинкой. Данные переломы, осложненные травматическим шоком, привели к расстройству состояния здоровья, которое продолжалось в течение более чем 21 дня (пункт 90 постановления). По мнению Суда, данные травмы могли являться результатом предполагаемого жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции. Указанных выше факторов, по мнению Суда, достаточно было для возникновения презумпции в пользу версии событий заявителя и для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что утверждения заслуживают доверия.

26 января 2005 года с 8 ч. 00 мин. до 14 ч 30 мин. следующего дня второй заявитель⁴⁵ незаконно содержался под стражей в отделении милиции без составления протокола его задержания, что оставило его полностью во власти тех, кто его удерживал под стражей, и что, по мнению Суда, поставило под угрозу его личную безопасность и сделало его уязвимым к жестокому обращению со стороны сотрудников милиции. Это придало убедительности версии событий, изложенной заявителем. Как заявили сотрудники милиции К. и Р., причиной задержания и доставления ими заявителя в отделение милиции было подозрение в совершении им преступления в отношении С. Согласно утверждениям заявителя, во время его незаконного содержания под стражей в отделении милиции 26 и 27 января 2005 года, он подвергался насилию со стороны сотрудников милиции (включая избиение резиновой дубинкой и перекрытие доступа воздуха с помощью противогаза) с целью заставить его написать явку с повинной в отношении преступления против С. (пункт 98 постановления).

Суд отметил – 27 января 2005 года в 13 ч. 00 мин. сотрудник К. составил протокол явки с повинной заявителя, где содержались обвинения в отношении него и первого заявителя, а также Б. и В., в причинении травм головы С.

⁴⁴ Голубятников Д.В.

⁴⁵ Жучков С.А.

Заявитель повторил данные показания 28 января 2005 года во время допроса в качестве подозреваемого и подтвердил их во время проверки его показаний на месте преступления 1 февраля 2005 года в присутствии официально назначенного адвоката. Согласно утверждениям заявителя, он сделал это из страха за свою жизнь (под угрозами следователя О. и сотрудников милиции). Как только заявитель получил доступ к адвокату (Д., который ранее действовал в качестве его официально назначенного адвоката) по своему выбору, соглашение с которым заключила его мать 3 февраля 2005 года, он прекратил давать признательные показания и заявил о своей невинности. С февраля 2005 года множество жалоб было подано матерью заявителя, адвокатом заявителя и самим заявителем на то, что заявитель предположительно подвергался жестокому обращению с целью получения признания, о том, что заявитель просил назначить дополнительный допрос его в качестве обвиняемого. Во время дополнительного допроса в качестве обвиняемого, проведенного 16 мая 2005 года, он отозвал свои признательные показания на том основании, что они были даны под принуждением со стороны сотрудников милиции. Он придерживался этой позиции во время слушания дела в суде, заявляя о своей невинности (пункт 99 постановления).

Суд подчеркнул, что В.Ю., коллега второго заявителя, который видел заявителя непосредственно перед его задержанием, указал, что у заявителя отсутствовали видимые травмы и он не жаловался на здоровье. Мать и бабушка заявителя, которые видели заявителя 1 и 2 февраля 2005 года, соответственно, т.е. сразу после периода времени, проведенного под стражей в милиции, указали, что у заявителя на лице был синяк и что заявитель хромал. Аналогично, С.А., девушка заявителя, указала, что она заметила во время просмотра видеозаписи проверки показаний заявителя на месте преступления 1 февраля 2005 года, что заявитель хромал и что его лицо было опухшим и в синяках (пункт 100 постановления).

На основании вышеизложенного, Суд счел, что утверждения второго заявителя о насилии со стороны сотрудников милиции были достоверными. Это заключение не вступало в противоречие с иными материалами дела, такими как (i) протоколы ИВС, в которых указывалось, что заявитель не жаловался на здоровье, когда был помещен туда 27 января 2005 года, так как не было указания того, что заявитель проходил медицинское освидетельствование в ИВС или любом другом месте предварительного задержания, куда его поместили позднее, или (ii) показания Д. о том, что он не заметил никаких травм у заявителя во время следственных действий 28 января и 1 февраля 2005 года. Д. действовал в качестве назначенного адвоката заявителя во время данных следственных действий. 3 февраля 2005 года в рамках своих полномочий как выбранный адвокат заявителя, Д. узнал о предполагаемом жестоком обращении сотрудников милиции с заявителем, и 15 февраля 2005 года подал жалобу на предполагаемое жестокое обращение с заявителем. Кроме того, оставалось неясным – почему никакие ходатайства о прохождении заявителем медицинского освидетельствования не были поданы вовремя или, по крайней мере, сразу после

жалобы матери заявителя на предполагаемое жестокое обращение с заявителем 7 февраля 2005 года, а также получил ли заявитель эффективную юридическую помощь, что поставило, по мнению Суда, под сомнение достоверность показаний Д. (пункт 103 постановления).

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: Суд отметил, что утверждения первого заявителя были отклонены внутригосударственными следственными органами. Не менее девяти отказов в возбуждении уголовного дела было вынесено в период с 23 июля 2005 года по 6 января 2008 года в результате доследственной проверки. Расследование, которое касалось ходатайств заявителя (которое было начато 5 марта 2008 года), нарушалось бездействием со стороны следственного органа и его неспособностью принимать законные и обоснованные решения. Более того, расследование было в итоге передано УВД города Т., сотрудники которого предположительно подвергали заявителя жестокому обращению (ввиду того, что причастность указанных сотрудников к данному деянию не была установлена). Впоследствии были проведены новые доследственные проверки по утверждениям заявителя о жестокое обращении со стороны сотрудников милиции, и были вынесены новые отказы в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции (пункт 92 постановления).

Принимая во внимание рассмотрение органами власти вызывающих доверие утверждений заявителя о жестокое обращении со стороны сотрудников милиции в порядке доследственных проверок, а также задержку в возбуждении и дальнейшем ведении уголовного расследования по факту нанесения травм заявителю, Суд пришел к выводу – этих факторов достаточно, чтобы обнаружить, что органы власти не провели эффективного расследования предполагаемого жестокого обращения с первым заявителем со стороны сотрудников милиции. Таким образом, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

Суд отметил, что никаких проверок не было проведено и никакая судебно-медицинская экспертиза не была назначена в ответ на множество жалоб, поданных в период с февраля по май 2005 года, касавшихся предполагаемого жестокого обращения со вторым заявителем со стороны сотрудников милиции. Доследственная проверка была назначена судом только на 14 июля 2005 года и была проведена следователем межрайонной прокуратуры, которая отказалась возбуждать уголовное дело 23 июля 2005 года, опираясь на отрицание сотрудниками милиции фактов жестокого обращения с заявителем. Данное постановление было впоследствии отменено как незаконное и основанное на незавершенной проверке. На протяжении последующих девяти лет были проведены дополнительные проверки и были приняты новые решения с отказом в возбуждении уголовного дела, которые впоследствии были отменены как незаконные и основанные на незавершенной проверке (пункт 104–105 постановления).

Суд пришел к выводу: отказываясь возбуждать уголовное дело и проводить полноценное уголовное расследование, в котором бы осуществлялся весь комплекс следственных действий, органы власти не провели эффективного расследования утверждений второго заявителя о предполагаемом жестоком обращении с ним со стороны сотрудников милиции. Таким образом, было допущено нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: власти поддерживали заключения внутригосударственных следственных органов. Так, их объяснение травм первого заявителя поддерживалось исключительно показаниями сотрудников милиции о том, что они слышали, как заявитель говорил о боли в груди в результате драки с кем-то за два дня до задержания. Помимо того факта, что эта версия сама по себе являлась слабой, так как она основана на непроверенных свидетельских показаниях лиц, предположительно виновных в рассматриваемом жестоком обращении, она также плохо согласовывалась со свидетельскими показаниями, указывающими на отсутствие травм у заявителя до момента его задержания и состояние, в котором он был найден после периода, проведенного в отделении милиции, которое было более серьезным, чем состояние, описанное сотрудниками милиции. Власти не предоставили никаких объяснений тому, почему скорая помощь не была вызвана сразу после задержания заявителя ни сотрудниками милиции (которые, напротив, доставили его в отделение милиции и допросили), ни следователем, который составил протокол задержания заявителя. Более того, версия о том, что травмы были получены за два дня до ареста, не была подтверждена никакими медицинскими свидетельствами и не была должным образом расследована (пункт 95 постановления).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Суд постановил, что второй заявитель подвергся обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, находясь под стражей в милиции 26 и 27 января 2005 года. Принимая во внимание обстоятельства дела, Суд счел – явка с повинной заявителя от 27 января 2005 года, протокол от 28 января 2005 года о допросе заявителя в качестве подозреваемого и протокол проверки показаний заявителя на месте преступления от 1 февраля 2005 года были составлены после жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции. Отклоня ходатайство второго заявителя об исключении вышеуказанных протоколов следственных действий от 28 января 2005 года и 1 февраля 2005 года, суд не провел свою собственную независимую оценку с целью определения того, имелись ли причины для исключения из доказательств данных протоколов, содержащих признательные показания заявителя, которые были предположительно получены в нарушение статьи 3 Конвенции, с целью обеспечить справедливость судебного разбирательства. Вместо того, чтобы проявлять наивысшую осторожность и подвергать эти повторные показания

очень строгой проверке (особенно после признания изначально признательных показаний от 27 января 2005 года недопустимым доказательством на основании того, что они были даны в отсутствие адвоката), суд опирался на решения следственных органов, которые, по мнению Суда, были основаны на расследовании, которое не соответствовало требованиям статьи 3. Отсутствие тщательной оценки качества оспариваемого доказательства и обстоятельств, при которых оно было получено, не было исправлено вышестоящими судами (пункт 113 постановления).

В свете вышесказанного Суд пришел к выводу, что независимо от влияния признательных показаний второго заявителя на результаты уголовного разбирательства против заявителей, их использование (вместе с отсутствием надлежащих гарантий на судебном заседании) привело к тому, что судебное разбирательство было несправедливым. Было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении обоих заявителей⁴⁶.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 июля 2018 года по делу «Сергей Рябов против Российской Федерации».

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Суд отметил, что заявитель был задержан в качестве подозреваемого в рамках уголовного судопроизводства 11 июля 2005 года утром и доставлен в изолятор временного содержания. Несмотря на отсутствие официальной записи, подтверждающей его прием в ИВС, дежурные сотрудники милиции не отрицали, что заявитель был заключен под стражу в этом здании 11 июля 2005 года. Более того, по результатам внутренней проверки, в какой-то момент заявитель был выведен двумя неизвестными сотрудниками милиции из своей камеры ИВС и подвергся жестокому обращению. Судебно-медицинский эксперт установил – заявитель имел многочисленные травмы, которые могли быть нанесены 11 июля 2005 года тяжелым тупым предметом; синяки могли быть результатом ударов твердым тупым предметом удлиненной формы. Суд посчитал, что данные травмы могли возникнуть в результате ударов, предположительно нанесенных заявителю сотрудниками милиции (пункт 40 постановления). Тот факт, что жертва Б. на момент убийства являлась сотрудником милиции, указывал на то, что заявитель, по мнению Суда, был уязвим по отношению к сотрудникам милиции.

Указанных выше факторов было достаточно для возникновения презумпции в пользу версии заявителя и для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что утверждения заявителя о жестоком обращении во время нахождения под стражей в милиции заслуживали доверия. В этой связи, государство должно было провести эффективное официальное расследование.

⁴⁶ В связи с установленным нарушением Президиум Верховного Суда Российской Федерации возобновил производство по уголовному делу в отношении заявителей. Судебные решения были отменены, а уголовное дело передано на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе суда (постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2019 года по делу № 99П19).

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: утверждения заявителя о том, что телесные повреждения возникли в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, были отклонены внутригосударственными следственными органами. В основу своих выводов следователи положили результаты доследственной проверки, которая представляла собой первый этап работы с заявлением о возбуждении уголовного дела в соответствии с российским законодательством. Два решения следователя с отказом в возбуждении уголовного дела каждый раз отменялись либо вышестоящим прокурором, либо после решения суда о том, что оно было основано на неполной проверке, и выносилось распоряжение о проведении новой проверки (пункт 43 постановления).

Суд напомнил свой вывод о том, что само по себе проведение доследственной проверки в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является недостаточным в случае, если государственные органы власти не выполнили стандартов проведения эффективного расследования по заслуживающим внимания жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции. Органы власти обязаны были возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование путем выполнения всего комплекса следственных действий (пункт 44 постановления).

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: власти поддержали выводы следственных органов о том, что все травмы заявителя были результатом законного применения силы сотрудниками милиции при задержании заявителя из-за его активного сопротивления (пункт 46 постановления).

Суд отметил следующее: следственные органы основывали свои выводы почти исключительно на общих показаниях сотрудников милиции о том, что они применяли силу на законных основаниях. Следователи не установили каких-либо конкретных действий, предпринятых сотрудниками милиции при применении силы или любых действий со стороны заявителя, которые могли бы оправдать применение силы, то есть они не оценивали, была ли такая сила обязательной, а не чрезмерной. Более того, объяснение сотрудников милиции, что они положили заявителя на пол и прижали его коленями во время задержания, не соответствовало количеству и характеру травм, зафиксированных судебно-медицинским экспертом (тридцать три ушиба и три ссадины на лице, спине, груди, животе и левой ноге) (пункт 47 постановления). Кроме того, начальник ОВД признал – в рамках внутренней проверки было установлено, что 11 июля 2005 года два сотрудника милиции подвергли заявителя жестокому обращению (пункт 48 постановления).

Учитывая, что объяснения властей были представлены по результатам поверхностной внутригосударственной проверки, которая не соответствовала требованиям статьи 3 Конвенции, Суд счел, что они не могли считаться

удовлетворительными или убедительными. Суд установил следующее: власти не выполнили свое бремя доказывания и не представили доказательства, способных подвергнуть сомнению версию событий заявителя, которая подтверждалась медицинскими доказательствами.

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Суд установил, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению во время содержания под стражей в милиции. Суд отметил, что 11 июля 2005 года заявитель дал самоинкриминирующие показания в рамках допроса в качестве подозреваемого. Эти показания составили часть доказательств, использованных против него. Областной суд не считал их неприемлемыми, и присяжные приняли их во внимание при вынесении вердикта о виновности заявителя. Внутригосударственный суд не провел собственную независимую оценку соответствующих медицинских и прочих доказательств с целью установления наличия оснований, исключающих из числа доказательств эти показания, которые были предположительно получены в нарушение статьи 3 Конвенции. Напротив, он опирался на решения следственных органов, которые, как было установлено Судом, были основаны на проверке, которая не отвечала требованиям статьи 3 Конвенции. Отсутствие тщательной оценки качества оспариваемого доказательства и обстоятельств, при которых оно было получено, не было исправлено вышестоящей судебной инстанцией (пункт 58 постановления).

В таких обстоятельствах Суд не согласился с доводом властей о том, что самоинкриминирующие показания заявителя следовало рассматривать как данные им добровольно. Суд пришел к заключению, что независимо от возможного влияния показаний заявителя, полученных под давлением, на результат уголовного разбирательства в отношении него, их использование в качестве доказательств сделало судебное разбирательство несправедливым (пункт 59 постановления). По настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции⁴⁷.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 ноября 2017 года по делу *«Александр Коновалов против Российской Федерации»*.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: стороны не оспаривали тот факт, что заявитель постоянно находился под контролем милиции, как минимум с момента

⁴⁷ В связи с установленным нарушением Президиум Верховного Суда Российской Федерации возобновил производство по уголовному делу в отношении *Рябкова С.Е.* Судебные решения были отменены, а уголовное дело передано на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе суда (постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2019 года по делу № 105П19).

его фактического задержания в 21:00 17 июня 2006 года в рамках административного производства, когда, согласно информации следственного органа, никаких телесных повреждений зафиксировано не было, и до момента его медицинского освидетельствования 20 июня 2006 года, когда у него были обнаружены телесные повреждения. По словам судебно-медицинского эксперта, телесные повреждения возникли в результате удара тупым предметом. Суд посчитал, что они могли возникнуть в результате ударов, предположительно нанесенных заявителю сотрудниками милиции (пункт 34 постановления).

Указанных выше факторов стало достаточно для возникновения презумпции в пользу версии заявителя и для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что утверждения заявителя о жестоком обращении во время нахождения под стражей в милиции заслуживали доверия.

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: утверждения заявителя о том, что телесные повреждения возникли в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, были отклонены внутригосударственными следственными органами. В основу своих выводов следователи положили результаты доследственной проверки (пункт 36 постановления).

Суд установил, что имелись правдоподобные утверждения о жестоком обращении, которые своевременно были доведены до сведения органов государственной власти. Суд пришел к выводу о том, что следственные органы не провели эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, как того требует статья 3 Конвенции (пункт 38 постановления).

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: власти поддержали выводы следственных органов о том, что телесные повреждения заявителя не могли быть связаны с действиями сотрудников милиции.

Суд отметил, что в своих выводах следственные органы опирались на показания сотрудников милиции. Объяснение о том, что телесные повреждения могли быть причинены третьим лицом за пределами здания милиции, не было основано на каких-либо доказательствах, и противоречило выводу следователя о том, что у заявителя не было телесных повреждений на момент его доставления в милицию (пункт 40 постановления).

Учитывая, что эти объяснения были даны в результате доследственной проверки, которая не отвечала требованиям статьи 3 Конвенции), Суд посчитал, что власти не сняли с себя бремя доказывания и не предоставили доказательства, способные поставить под сомнение данную часть версии событий, представленной заявителем. В той мере, в которой версия заявителя подтверждалась медицинскими доказательствами, Суд посчитал ее установленной (пункт 41 постановления).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Суд установил, что заявитель был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению во время содержания под стражей в милиции. Он отметил – 19 июня 2006 года заявитель дал признательные показания, которые он повторил 20 и 21 июня 2006 года. Эти показания вошли в число представленных против него доказательств. Районный суд не признал их неприемлемыми и ссылаясь на них при признании заявителя виновным и при назначении ему наказания. Внутрисударственный суд не провел собственную независимую оценку соответствующих медицинских и прочих доказательств с целью установления наличия оснований, исключающих из числа доказательств эти показания, которые были предположительно «запятнаны» нарушением статьи 3 Конвенции, чтобы обеспечить справедливость судебного разбирательства. Вместо этого он сослался на решения следственных органов, которые, как было установлено Судом, были основаны на проверке, которая не отвечала требованиям статьи 3 Конвенции. Отсутствие тщательной оценки качества оспариваемого доказательства и обстоятельств, при которых оно было получено, не было исправлено областным судом (пункт 54 постановления).

При таких обстоятельствах Суд не разделил довод властей о том, что признательные показания заявителя следовало рассматривать как сделанные добровольно. Суд пришел к выводу о том, что, вне зависимости от того, какую роль сыграли показания заявителя, полученные под давлением, в исходе разбирательства по уголовному делу в его отношении, такие доказательства сделали разбирательство в целом несправедливым (пункт 55 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 февраля 2016 года по делу *«Шлычков против Российской Федерации»*.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Суд прежде всего отметил, что стороны разошлись во мнении относительно событий, произошедших 18 марта 2004 года, когда заявитель предположительно подвергался жестокому обращению. При этом стороны не оспаривали того факта, что рентгеновский снимок, сделанный 30 марта 2004 года, выявил у заявителя наличие трещин ребер (пункт 62 постановления).

Суд указал, что имеющиеся в его распоряжении материалы дела свидетельствовали о непроведении медицинского освидетельствования заявителя врачом или другим медицинским работником при его поступлении в ИВС, несмотря на имеющиеся у него на лице синяки, которые были, в частности, отмечены заместителем начальника ИВС. В связи с этим Суд подчеркнул – ЕКПП⁴⁸ рассматривает право задержанных правоохранительными органами лиц

⁴⁸ Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Действует на основании Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или

на обращение за медицинской помощью как одну из трех основополагающих гарантий против жестокого обращения. В отсутствие объяснений со стороны властей государства-ответчика по поводу такого бездействия, Суд пришел к единственному возможному выводу о том, что отказ сотрудников ИВС незамедлительно организовать медицинский осмотр заявителя врачом и задокументировать имеющиеся у него телесные повреждения лишил заявителя указанной гарантии в нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 64 постановления).

Суд отметил, что единственное медицинское доказательство, имеющееся в деле – рентгеновский снимок от 30 марта 2004 года, свидетельствовал о наличии у заявителя трещин ребер на стадии раннего заживления. Областной суд, отклонивший предполагаемые обвинения заявителя в жестоком обращении, опирался в основном на выводы Н., в заключении которого говорилось, что трещины ребер к 30 марта 2004 года начали срастаться. Областной суд посчитал данные выводы достаточными для опровержения версии заявителя о событиях 18 марта 2004 года. При этом Суд подчеркнул – Н. поставил областной суд в известность о том, что имеющихся у него навыков расшифровки рентгеновских снимков недостаточно для самостоятельной оценки состояния трещин ребер. Более того, оценка Н. состояния трещин как «застарелых» не являлась достаточно точной для того, чтобы с уверенностью отклонить утверждение о том, что указанные повреждения были нанесены заявителю за 12 дней до рентгеновского обследования (пункт 65 постановления).

Суд посчитал, что заявитель представил достаточно подробную и связную версию своего избияния сотрудниками милиции 18 марта 2004 года. Следовательно, его жалоба на предполагаемое жестокое обращение была небезосновательной.

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: в связи с тем, что ни на стадии доследственной проверки на национальном уровне, ни в ходе судебных разбирательств правдоподобных объяснений происхождения трещин ребер у заявителя представлено не было, Суд счел, что власти государства-ответчика не сняли с себя бремя доказательства. В частности, Суд указал следующее – власти не установили надлежащим образом, что версия событий заявителя была недостоверной или иным образом ложной. В данных обстоятельствах Суд не увидел необходимости оценивать утверждения властей о том, что повреждения могли быть причинены заявителю во время драки с неким «Димой» 11 марта 2004 года (пункт 67 постановления).

Учитывая обязанность властей давать объяснение появлению телесных повреждений у лиц, находящихся под стражей, Суд пришел к выводу: телесные повреждения заявителя, по крайней мере некоторые из них, были причинены ему во время его нахождения в отделении милиции и, следовательно, ответственность за их причинение лежит на властях государства-ответчика.

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: Суд отметил – прокуратурой была проведена доследственная проверка по жалобам заявителя. Однако Суд усомнился в том, что данная проверка была в достаточной степени тщательной и эффективной, чтобы соответствовать требованиями статьи 3 Конвенции⁴⁹. Суд также подчеркнул, что в результате отказа властей возбуждать уголовное дело прокуратура так и не смогла провести надлежащего расследования по уголовному делу с осуществлением всего комплекса следственных действий, таких как допрос, очная ставка, опознание, обыск, реконструкция преступления (пункт 73 постановления).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Суд напомнил, что в его обязанности в принципе не входит определение того, могут ли определенные виды доказательств (например, доказательства, полученные незаконно с точки зрения национального законодательства) являться допустимыми. Суду предстояло ответить на вопрос, было ли все разбирательство, в том числе способ получения доказательств, справедливым. Данный вопрос предполагал оценку законности, а в случае нарушения другого гарантированного Конвенцией права – оценку характера установленного нарушения (пункт 80 постановления).

В предыдущих делах Суд постановлял, что принятие признательных показаний, полученных в результате применения пыток или другого жестокого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции в качестве доказательств для установления фактов в уголовном разбирательстве, делает разбирательство в целом несправедливым. Использование доказательств, полученных в результате нарушения любого из основополагающих и абсолютных прав, гарантированных Конвенцией, всегда приводит к возникновению сомнений относительно справедливости всего разбирательства даже в том случае, если данные доказательства не играли решающей роли при осуждении человека (пункт 83 постановления).

В настоящем деле сторонами не оспаривался тот факт, что явка с повинной, которую заявитель написал в отсутствие адвоката в качестве свидетельства против самого себя после задержания и заключения под стражу, являлась одним из доказательств стороны обвинения во время разбирательства по уголовному делу. Областной суд признал данные показания неприемлемыми,

⁴⁹ «Суд ранее постановлял, что в контексте российской правовой системы так называемая «доследственная проверка» сама по себе не может привести к наказанию виновных, поскольку предпосылками для выдвижения обвинений против предполагаемых преступников являются возбуждение уголовного дела и проведение расследования, материалы которых впоследствии могут быть рассмотрены судом. Сделанные судом выводы основаны на одном лишь отказе следственных органов возбудить уголовное дело по небезосновательным жалобам на крайне жестокое обращение во время нахождения в отделении милиции, что свидетельствовало о невыполнении государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренного статьей 3 Конвенции» (пункт 73 постановления).

однако сослался на них при признании заявителя виновным и вынесении ему приговора (пункт 84 постановления).

При этом власти утверждали, что заявитель отказался от своих процессуальных прав и ссылались на его письменные показания от 19 марта 2004 года. Суд напомнил, что отказ от прав, гарантированных Конвенцией – в той мере, в которой это допустимо, – не должен противоречить каким-либо важным общественным интересам, и должен быть выражен в однозначном виде и сопровождаться минимальными гарантиями, сопоставимыми со степенью значимости отказа. Учитывая обстоятельства настоящего дела Суд не смог согласиться с утверждением властей об отказе заявителя от своих прав, так как письменные показания от 19 марта 2004 года были даны после написания явки с повинной 18 марта 2004 года. Более того, заявитель не мог считаться отказавшимся от права не свидетельствовать против себя и в свете выводов Суда, в частности о жестоком обращении с заявителем в нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что внутригосударственные суды приняли явку заявителя с повинной в качестве доказательства его вины, и что разбирательство по делу заявителя было несправедливым независимо от того, какую доказательственную ценность имели эти показания и от того, насколько решающую роль они сыграли в осуждении заявителя⁵⁰.

практика Комитета ООН по правам человека⁵¹

Сообщения Комитета ООН по правам человека от 25 июля 2019 года по делу «Семен Сборнов против Российской Федерации». Сообщение № 2699/2015.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: автор утверждал, что в ходе предварительного следствия по обвинению в убийстве он был избит сотрудниками полиции. В обоснование этого он показал, что был избит тремя сотрудниками полиции, одного из которых он назвал В. Один из сотрудников бил его ногами по рукам и ногам. На автора надели наручники, туго перевязали веревкой и держали в очень неудобном положении в течение полутора часов. В. бил его ногой по спине и почкам, требуя от него признания вины. В результате

⁵⁰ В связи с установленным нарушением Президиум Верховного Суда Российской Федерации возобновил производство по уголовному делу в отношении *Шлычкова С.А.* ввиду новых обстоятельств. Судебные решения в отношении *Шлычкова С.А.* были отменены, а уголовное дело передано на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе суда (постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2016 года по делу № 110-П16).

⁵¹ Как было отмечено выше, Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

автор понес моральный ущерб, в том числе испытал физическую боль в области спины, рук и головы. Вскоре после избиений автор, испугавшись, подписал признательные показания в соответствии с указаниями полиции. После его освобождения и возвращения в дом родителей мать автора вызвала скорую помощь по причине плохого самочувствия автора и боли, которую он испытывал. Она пожаловалась сотрудникам бригады скорой помощи на то, что ее сын был избит полицией. В результате автор 23 и 24 января 2013 года находился в стационаре (пункт 9.2 Соображений).

Комитет посчитал, что государство-участник не представило надежных доказательств того, что ни один сотрудник полиции не был причастен к жестокому обращению с автором и нанесению ему телесных повреждений и что состояние здоровья автора до его задержания полицией было неудовлетворительным. Он пришел к выводу, что государство-участник не смогло убедительно продемонстрировать, что органы власти приняли действенные меры в связи с утверждениями автора о пытках и жестоким обращении (пункт 9.4 Соображений).

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: Комитет отметил, что государство-участник указало на то, что из решения суда первой инстанции усматривалось, что показания автора, данные во время предварительного следствия, были подкреплены значительным количеством иных доказательств. Государство-участник также утверждало, что утверждения автора о пытках были правильно оценены судами как часть стратегии защиты. Кроме того, государство-участник также отметило: следователь провел проверку утверждений автора о жестоким обращении со стороны полиции, но принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия события преступления, поскольку при допросе сотрудники полиции отрицали применение насилия в отношении автора (пункт 9.3 Соображений).

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: Комитет напомнил следующее – бремя доказывания в отношении применения пыток или жестокого обращения не может возлагаться только на автора сообщения, особенно с учетом того, что автор сообщения и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую только государство-участник имеет доступ к соответствующей информации. Государство-участник обязано⁵² провести оперативное, эффективное и независимое расследование⁵³ всех заслуживающих доверия утверждений о нарушениях статьи 7 Пакта. В этих обстоятельствах Комитет резюмировал, что должное внимание следовало уделить утверждениям автора сообщения о применении пыток и жестокого обращения. Комитет пришел к выводу о том, что

⁵² См.: Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, пункт 15.

⁵³ См.: Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14.

представленные ему факты свидетельствовали о нарушении прав по статье 7, рассматриваемой в совокупности со статьей 2 (пункт 3) Пакта (пункт 9.5 Соображений).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: автор обратил внимание на то, что правоохранительные органы и суды не исключили признательные показания, полученные от него под принуждением, а использовали их в качестве одного из оснований для его последующего осуждения. Официальные документы, касающиеся следствия, были подписаны адвокатом, выбранным следователем, и автор также подписал их (пункт 9.2 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждение автора о нарушении его прав по статье 14 (пункт 3 g)), поскольку он признал свою вину в совершении преступления под принуждением и его полученные под принуждением признательные показания послужили основанием для его последующего осуждения. Государство-участник напрямую не опровергло эти утверждения; вместо этого оно отвергло утверждения автора о пытках в целом. В отсутствие какой-либо другой значимой информации или доводов в материалах дела и в свете вывода о нарушении статьи 7 Пакта Комитет пришел к выводу, что рассматриваемый факт представляет собой нарушение прав автора в соответствии со статьей 14 (пункт 3 g)) (пункт 9.6 Соображений).

Соображения Комитета ООН по правам человека от 28 июля 2017 года по делу *«Антон Батанов против Российской Федерации»*. Сообщение № 2532/2015.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Комитет принял к сведению подробные утверждения автора о применении пыток сотрудниками милиции и следователями после задержания и во время предварительного содержания под стражей с целью получения признательных показаний. Комитет отметил следующее – 4 июня 2009 года автор был осмотрен медицинскими экспертами, которые обнаружили и задокументировали его телесные повреждения. Комитет подчеркнул, что в связи с этим автор представил медицинское заключение от 5 июня 2009 года, в котором содержалась подробная информация о полученных им травмах, в частности на его плечах и на левом колене. Комитет принял к сведению заключение медицинской экспертизы о том, что некоторые повреждения были нанесены твердым тупым предметом и не могли быть получены в результате однократного падения (автор заявил – за неделю до того упал на улице и повредил правое плечо и колени). Комитет также принял во внимание два медицинских заключения, выданных в ноябре 2010 года, где указано: состояние здоровья автора нарушено, он страдает несколькими хроническими заболеваниями, в том числе гипертонией (пункт 11.2 Соображений).

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: государство-участник не согласилось с утверждениями автора и указало на то, что повреждения были нанесены ранее и что плохое состояние здоровья автора было принято во внимание судом первой инстанции в качестве смягчающего обстоятельства (пункт 11.2 Соображений).

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: Комитет отметил, что материалы дела не позволили ему сделать вывод о том, что расследование утверждений о пытках было проведено оперативно и эффективно. В свете вышеизложенного Комитет посчитал, что в результате отсутствия эффективного расследования утверждений автора о пытках имело место нарушение его прав по статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 11.2 Соображений).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что суд использовал против автора показания главного обвиняемого и свидетеля Ат., которые, как утверждалось, были добыты под пытками и от которых свидетель впоследствии отказался во время судебного разбирательства. Кроме того, Комитет отметил, что государство-участник не оспаривало довод о том, что в ходе судебного разбирательства дела автора решающий вес имели показания этого свидетеля, несмотря на утверждения о том, что они были добыты под пытками. На основании имеющейся в его распоряжении информации Комитет подчеркнул, что суд первой инстанции не принял во внимание ни отказ этого свидетеля от своих изобличающих показаний в отношении автора, ни подробное описание пытки, которой он подвергался во время предварительного допроса, а вместо этого целиком полагался на показания, которые свидетель дал на этапе досудебного производства. Согласно протоколам заседания суда, суд также отклонил без рассмотрения по существу утверждения автора о «существенных нарушениях на предварительном следствии» и его просьбу вынести частное определение в отношении следователя Ш. В свете вышеизложенного Комитет пришел к выводу о том, что имело место нарушение прав автора по пункту 1 статьи 14 Пакта (пункт 11.3 Соображений).

Соображения Комитета ООН по правам человека от 11 Марта 2016 года по делу *«Филипп Максимович Польских против Российской Федерации»*. Сообщение № 2099/2011.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Комитет отметил утверждения автора сообщения о том, что он был избит и подвергнут пыткам сотрудниками милиции сразу же после его ареста 30 июля 2002 года и в последующие дни. Автор сообщения утверждал, что его били резиновым шлангом, неоднократно

подхватывали за ноги и бросали на пол, а также надевали на него противогаз с закрытым клапаном, в результате чего он потерял сознание. Комитет также подчеркнул: автор сообщения представил копию справки, выданной больницей города Г., о том, что в период с 31 июля по 21 августа 2002 года у автора сообщения были диагностированы многочисленные травмы, в том числе перелом ребер и сотрясение мозга. Автор сообщения представил подробную информацию о жестоком обращении с ним и утверждал, что поданные в этой связи жалобы были проигнорированы обвинением и судами (пункт 9.2 Соображений).

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: государство-участник утверждало, что суд признал протокол допроса и явки с повинной допустимыми доказательствами. Внутригосударственный суд установил, что из содержания протокола допроса и явок с повинной следовало, что автор сообщения добровольно и произвольно давал показания об обстоятельствах совершения разбойного нападения на потерпевшего и его убийства (пункт 6.2 Соображений).

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: хотя в приговоре от 29 января 2003 года⁵⁴ упоминались утверждения автора сообщения о пытках, суд отклонил их, безапелляционно заявив, что показания по данному делу подтверждают вину обвиняемого. Комитет отметил, что, согласно информации государства-участника, прокуратура неоднократно принимала решения об отказе в возбуждении дела по заявлениям автора сообщения о пытках и что эти решения были в конечном итоге подтверждены судами. Комитет также указал на информацию государства-участника от 28 марта 2013 года, в соответствии с которой в 2013 году прокуратура отменила решение от 21 декабря 2012 года и решение от 2 декабря 2002 года и распорядилась о проведении новой проверки утверждений автора сообщения. Комитет, однако, обратил внимание на то, что в результате проведенного расследования в апреле 2013 года вновь было отказано в возбуждении уголовного дела в связи с утверждениями автора сообщения о пытках. В то же время Комитет указал, что ни в приговоре, ни в постановлениях прокуратуры, ни в представлениях государства-участника в рамках текущего разбирательства не приводилось никаких подробных сведений о конкретных мерах, принятых властями по расследованию заявлений автора сообщения. В частности, Комитет отметил, что государство-участник не представило никаких объяснений относительно многочисленных и документально подтвержденных телесных повреждений, полученных автором сообщения сразу же после его ареста (пункт 9.3 Соображений).

Комитет счел нужным отметить – в данных конкретных обстоятельствах по указанному делу государство-участник не представило доказательств того,

⁵⁴ Речь идет о приговоре.

что его власти оперативно и надлежащим образом проверили утверждение автора сообщения по поводу пыток как в контексте внутреннего уголовного производства, так и в контексте настоящего сообщения. Соответственно, к заявлениям автора сообщения следовало отнестись со всей серьезностью. Поэтому Комитет пришел к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении прав автора сообщения по статье 7, рассматриваемой как отдельно, так и в сочетании с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Комитет отметил утверждения автора сообщения о том, что он подвергался пыткам и был поэтому вынужден признать свою вину в совершении ряда преступлений и что это признание было использовано судами в качестве доказательства его вины, несмотря на просьбы автора сообщения не приобщать такие показания к делу. С учетом недостаточного и не позволяющего сделать окончательный вывод расследования властями государства-участника утверждений автора сообщения о применении к нему пыток с целью получения признательных показаний Комитет пришел к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствовали об отдельном нарушении прав автора сообщения, предусмотренных пунктом 3 g) статьи 14 Пакта (пункт 9.5 Соображений).

практика Комитета ООН против пыток⁵⁵

Решение Комитета ООН против пыток от 17 мая 2018 года по делу «Данила Габдулхаков против Российской Федерации». Сообщение № 637/2014.

Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны правоохранительных органов: Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что он ежедневно и в течение нескольких месяцев с момента его ареста подвергался пыткам, в частности избиениям, воздействию холодом и угрозам в свой адрес и в адрес его жены, с целью заставить его признать вину за преступления. Среди документов, предоставленных Комитету, имелось медицинское свидетельство № 679 от 22 сентября 2007 года, выписанное судебно-медицинским экспертом. В этом свидетельстве перечислены многочисленные гематомы по всему телу заявителя, возникшие, по-видимому, в результате воздействия твердыми тупыми предметами за несколько часов до проведения освидетельствования. В свидетельстве также

⁵⁵ Как было отмечено выше, Комитет ООН против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

было указано, что зафиксированные повреждения не могли быть нанесены в результате стрельбы из огнестрельного оружия. На основании представленной ему информации Комитет пришел к заключению, что истязания, которым подвергся заявитель, были совершены должностными лицами государства-участника с целью добиться признания вины и что деяния, о которых идет речь, представляли собой акты пыток по смыслу статьи 1 Конвенции против пыток⁵⁶ (пункт 9.2 Решения).

Вопрос о наличии объяснений со стороны властей, которые могли бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем: Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что упомянутые телесные повреждения были нанесены в ходе ареста в результате того, что заявитель и другие лица открыли огонь и оказали сопротивление при аресте. Однако, государство-участник не представило каких-либо документов, которые могли бы подтвердить это утверждение. Комитет принял также к сведению встречный довод заявителя о том, что они сдались, не оказав сопротивления, и что присяжные на суде сочли, что утверждение об оказании вооруженного сопротивления не доказано. Комитет отметил, что к тому времени, когда его телесные повреждения были зафиксированы в ходе медицинского освидетельствования, проведенного 22 сентября 2007 года, заявитель уже провел по крайней мере несколько часов, находясь под стражей в полиции. В связи с этим Комитет напомнил, что государства-участники несут особое обязательство принимать эффективные меры по предупреждению пыток⁵⁷ и обеспечению того, чтобы лица, лишённые свободы, могли пользоваться правами, закрепленными в Конвенции, поскольку на них возложена особая ответственность, учитывая ту степень контроля, который тюремная администрация осуществляет над такими лицами⁵⁸. При отсутствии убедительных доказательств со стороны государства-участника в отношении того, что повреждения не были нанесены в то время, когда заявитель находился под контролем сотрудников полиции, Комитет посчитал, что имело место нарушение пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 1 Конвенции против пыток (пункт 9.3 Решения).

Вопрос о наличии эффективного расследования по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов: в замечаниях государства-участника ничто не указывало на проведение какого-либо расследования причин происхождения телесных повреждений заявителя, о которых сообщалось в медицинском заключении от 22 сентября 2007 года. Поэтому Комитет сделала вывод о нарушении статьи 12 Конвенции (пункт 9.4 Решения).

⁵⁶ См., в частности: *«Асфари против Марокко»* (CAT/C/59/D/606/2014), пункт 13.2; *«Джаидан против Туниса»* (CAT/C/61/D/654/2015), пункт 7.4; *«Ндажиймана против Бурунди»* (CAT/C/62/D/496/2012 и CAT/C/62/D/496/2012/Corr.1), пункт 8.2.

⁵⁷ См.: пункт 13 Замечания общего порядка № 2 (2007) Комитета об имплементации статьи 2.

⁵⁸ См.: *«Герреро Ларес против Боливарианской Республики Венесуэлы»* (CAT/C/54/D/456/2011), пункт 6.4.

Комитет принял к сведению утверждение заявителя в соответствии со статьей 13 Конвенции о том, что он в действительности не мог возбудить уголовное дело в отношении сотрудников милиции, которые его пытали. В связи с этим Комитет отметил, что, хотя расследование, начатое в 2007 году, и не велось по инициативе заявителя, но он неоднократно пытался обжаловать отказы следственного управления в возбуждении уголовного разбирательства по этому делу. Комитет также принял к сведению, что в основу решений следственного управления положено объяснение самого заявителя о том, что ссадина на его носу — результат случайности, а также его просьба о прекращении расследования. Комитет отметил отсутствие каких-либо признаков, указывающих на то, что следственное управление действительно когда-либо проводило личный допрос заявителя, особенно учитывая то обстоятельство, что его заявления были составлены в местах содержания под стражей и под контролем сотрудников полиции, которые, по утверждениям, и нанесли эти телесные повреждения. Комитет также обратил внимание на то, что заявитель не мог в действительности обжаловать постановления следственного управления в судах, поскольку каждый раз эти решения отменялись, а материалы направлялись вышестоящими должностными лицами на дополнительное расследование. Тем не менее в результате каждого последующего расследования почти в точности подтверждались выводы предыдущего. Все вышеприведенные замечания, по мнению Комитета, указывали скорее на то, что дело заявителя не было оперативно и беспристрастно расследовано национальными властями. Соответственно, Комитет резюмировал о том, что представленные факты в настоящем деле свидетельствуют о нарушении статьи 13 Конвенции (пункт 9.4 Решения).

Нарушение запрета использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что его показания против себя, добытые под пыткой, были приняты в судах в качестве законных доказательств. В связи с этим Комитет отметил: на одном из слушаний в ходе разбирательств в суде первой инстанции прокурор упомянул, что в результате расследования утверждений заявителя о применении пыток эти утверждения не подтвердились. При отсутствии в материалах дела дополнительной уточняющей информации Комитет посчитал — суд должно быть счел выводы следственных органов доказанными фактами, а после этого рассматривал заявления заявителя в качестве приемлемых доказательств. Вместе с тем Комитет отметил, что единственным расследованием, на которое стороны ссылаются в представленных ими материалах, является расследование, начатое в 2007 году. Оно касалось лишь ссадины на носу заявителя, о которой упоминается в медицинском заключении, составленном в СИЗО 5 октября 2007 года. В следственных документах не упоминалось о каких-либо других повреждениях, о которых сообщалось в медицинском заключении от 22 сентября 2007 года. Комитет напомнил, что общий характер положений статьи 15 Конвенции против

пытках обусловлен абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли получены заявления, используемые в ходе разбирательств в рамках его юрисдикции, с помощью применения пыток⁵⁹. Комитет подчеркнул, что суд не принял во внимание ни утверждений заявителя о том, как много часов он провел на холоде без соответствующей одежды, ни его опасений за жену, которая также была раздета и которой постоянно угрожали сексуальным насилием. В свете вышеизложенного Комитет пришел к заключению о том, что суд первой инстанции не смог всесторонне проанализировать жалобы заявителя о том, что его показания против себя были добыты под пыткой, прежде чем их представили суду присяжных в качестве доказательств. Таким образом Комитет резюмировал нарушение статьи 15 Конвенции (пункт 9.6 Решения).

⁵⁹ См. «Нийонзима против Бурунди» (CAT/C/53/D/514/2012), пункт 8.7; «Ктити против Марокко» (CAT/C/46/D/419/2010), пункт 8.8; «П.Э. против Франции» (CAT/C/29/D/193/2001), пункт 6.3.